

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

СОЧИНЕНИЯ
ПЕТРА РОМАНОВИЧА
ФУРМАНА.

IX.

СЫНЪ РЫБАКА

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1893.

СЫНЪ РЫБАКА
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

ПОВѢСТЬ

СОЧИНЕНИЕ

П. ФУРМАНА

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесено въ изданный
Каталогъ Училищныхъ Библиотекъ за № 1194-мъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1893.

DjVu – бібліотека сайту
www.biografia.ru

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1892 г.

Типографія и Фототипія В. И. Штейна. Малая Морская, 20.

Отъ Издателя.

И

окойный авторъ этого разсказа Петръ Романовичъ Фурманъ извѣстенъ въ нашей литературѣ иѣсколькоими историческими биографіями, которыхъ написаны иѣ для дѣтей и отличаются своею простотою и живостью.

Это не ученыя историческія изслѣдованія, а передача событій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоять какои-либо извѣстныи дѣятель. Авторъ имѣлъ въ виду преимущественно дѣтей, и желалъ посредствомъ призыва возбудить въ нихъ добрыя и патріотическія чувства.

Большинство разсказовъ были изданы самимъ авторомъ въ 1848 г. и вскорѣ распроданы; затѣмъ кромѣ двухъ изъ нихъ не появлялись въ печати въ теченіи 40 лѣтъ и почти забыты. Мысль издателя вывести изъ забвенія эти сочиненія встрѣчена Учеными Комитетами, критикомъ и публикой очень сочувственно.

Выбранныя лучшія и одобренныя сочиненія П. С. Фурмана отпечатаны подъ общимъ названіемъ

Четырехъская Библіотека въ 10 томикахъ.

Съ приложеніемъ 105 портретовъ, видовъ и проч. рисунковъ копій съ извѣстныхъ гравюръ и картинъ.

Всѣ книжки помѣщены въ изданномъ Министерств. Нар. Просв. нормальномъ каталогѣ подъ названіемъ «Опытъ Каталога Ученическихъ Библіотекъ» среднихъ учебныхъ заведеній книгъ за №№ 1187 до 1194 и въ каталогѣ одобренныхъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ. Департаментъ Министерства Народ. Просв. отношеніями отъ 19 Ноября 1886 г. за № 16.941, 27 Июня 1889 г. № 11.128, 27 Ноября 1890 г. и 15 Октября 1891 г. № 17.507 уведомилъ издателя, что особый Отдѣлъ Ученаго Комитета Министерства опредѣлилъ «Сочиненія

С. Т. Аксакова и П. Р. Фурмана одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ Учебн. Зав. мужскихъ и женскихъ, о чёмъ и напечатано въ Журналѣ Министерства.

Комитетъ Грамотности. разсмотрѣвъ изданныя сочиненія Фурмана, поѣстиль въ изданный имъ: Каталогъ народно-учебной литературы.

Въ Критическомъ указателѣ книгъ для народного и дѣтскаго чтенія (составл. учительницами Воскресеныхъ школъ) подъ названіемъ **Что читать народу?** на стр. 685—686. т. 2-й, перечислены РАЗСКАЗЫ ФУРМАНА съ прибавленіемъ слѣд. отзыва:

Заглавія названныхъ выше повѣстей Фурмана ничего не говорятъ теперешнимъ дѣтямъ и юношеству: они для нихъ просто названія вновь понившихся книгъ. Но сколько хорошихъ воспоминаній изъ далекаго дѣтства соединено съ этими именами у людей немолодыхъ. Повѣстей Фурмана около 40 лѣтъ почти не было въ продажѣ; немудрено поэтому, что къ нимъ относятся, какъ къ новинкѣ; но при просмотрѣ тотчасъ замѣчается, что онъ наслѣдіе доброго старого времени, когда книги какого-бы то ни было содержанія непремѣнно должны были заключать правоучительныи страницы. Относиться къ повѣстямъ Фурмана съ требованіями нашего времени, и теперь, по сравненію ихъ съ большою частью историческихъ повѣстей, фабрикуемыхъ для дѣтскаго и народного чтенія, придется за ними оставить ихъ прежнее почетное мѣсто. Картинки старого изданія замѣнены снимками со стариныхъ гравюръ.

■ Книги желательны въ народной библіотекѣ. ■

Извѣстный критикъ Ф. Толль въ своей книжѣ:

«Наша дѣтская Литература». Опытъ библіографіи отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи, на стр. 150 и 153, сказалъ:

Сочиненія Фурмана прочтутся съ большою пользою и удовольствіемъ. Смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ, какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА,

составленная изъ лучшихъ сочиненій П. Р. Фурмана.

10 ТОМИКОВЪ, ИЗЯЩНО ИЗДАННЫХЪ, СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ 105 ГРАВЮРЪ

1. Саардамскій Плотникъ. 2. А. Д. Меншиковъ. 3. Г. А. Потемкинъ-Таврическій. 4. А. В. Суворовъ-Рымникскій. 5. Я. Ф. Долгоруковъ. 6. А. С. Матвеевъ. 7. Н. Б. Долгорукова. 8. Купецъ Петр Ждановъ. 9. М. В. Ломоносовъ. 10. Сборникъ разсказовъ.

ПОРТРЕТЫ, виды: городовъ, церквей, дворцовъ, памятниковъ и проч. рисунки, помѣщены въ 10 томикахъ

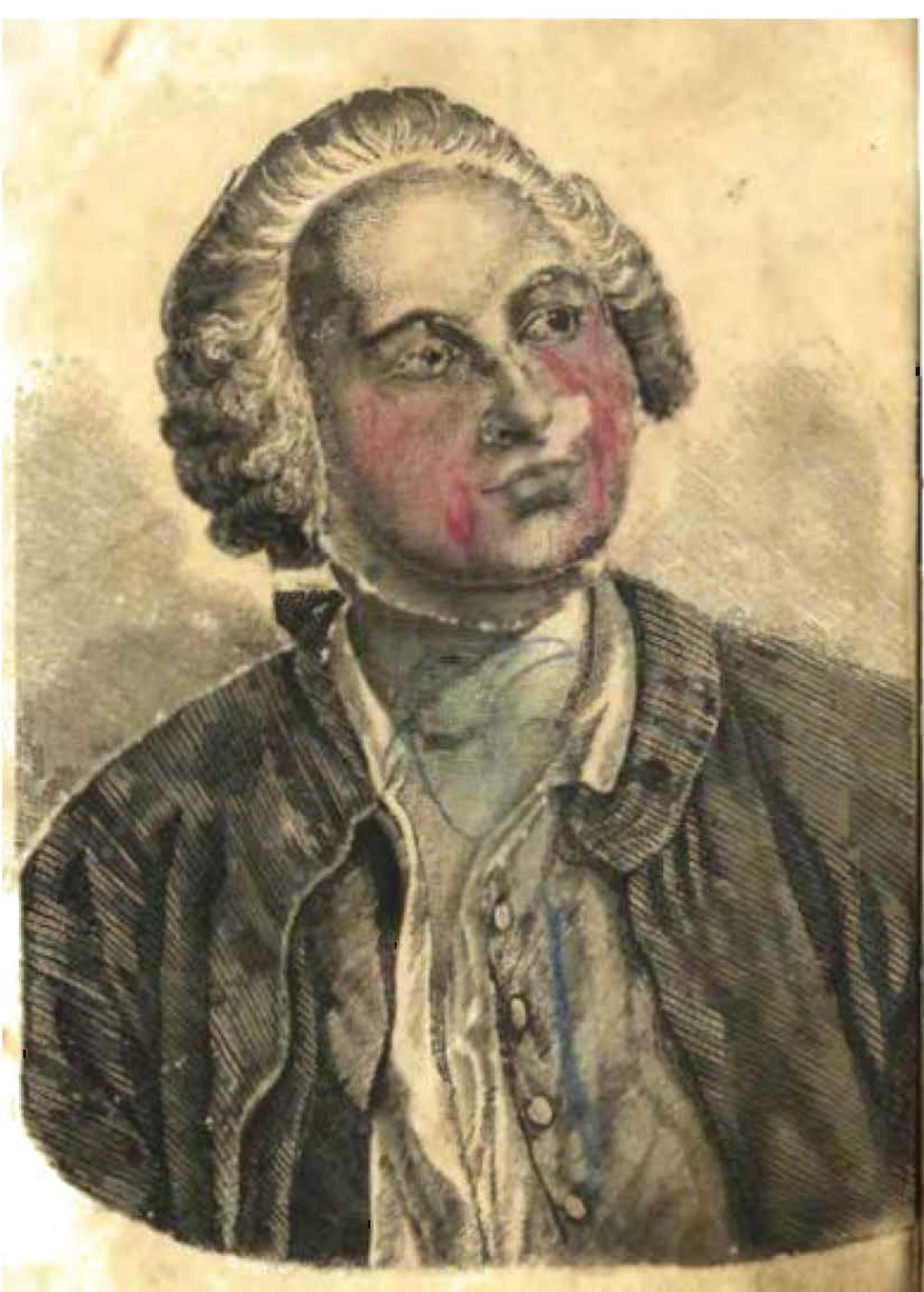
Портреты:

1. Петръ Романовичъ Фурманъ, авторъ разсказовъ.
2. Филаретъ Никитичъ Романовъ.
3. Михаилъ Федоровичъ — Царь и Самодержецъ Всероссійскій.
4. Цара Алексѣй Михайловичъ.
5. Царца Наталия Кирилловна изъ молодости.
матерь Государя Петра Великаго.
6. " Царя: Оводоръ Алексѣевичъ.
7. Царя: Иоаннъ Алексѣевичъ.
8. Царевна Софія Алексѣевна.
10. Петръ I Великій изъ молодости
11. Императоръ Петръ Великій.
12. Императрица Екатерина I.
13. " Елизавета Петровна.
14. Императоръ Петръ II.
15. Тоже, съ гравюры Воронцова 1729 г.
16. Императрица Анна Иоанновна.
17. Императоръ Петръ III.
18. Императрица Екатерина II, съ гравюры Вальвера.
19. " съ порт. Джинсона.
20. Императоръ Павелъ Петровичъ.
21. Великие князья Александръ и Константина Павловичи.
22. Императоръ Александръ I Благословеній.
23. Императоръ Людовикъ XIV.
24. " Наполеонъ I Бонапартъ.
25. Вояринъ Артемонъ Сергеевичъ Матвеевъ изъ молодости.
Тоже, старинная гравюра Розанова.
27. Князь Иванъ Федоровичъ Долгоруковъ.
28. " Александръ Даниловичъ Меншиковъ.
29. Князь М. А. Меншикова.
30. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
31. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ.
32. Княгиня Наталия Борисовна Долгорукова.
33. Абраамъ Петровичъ Ганинбаль, Арапъ Петра Великаго.
34. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Съ гравюры Вальвера
Тоже, во весь ростъ. Съ гравюры Харитонова.
36. " Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.
37. " Петръ Ивановичъ Багратіонъ-Имеретинскій.
38. " М. Платовъ.
39. " Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.
40. " Михаилъ Иларіоновичъ Нутуводъ-Смоленскій.
41. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.
42. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

42. Графы Леонтий Леонтьевич Беннигсенъ.
 44. * Петръ Петровичъ Коновницынъ.
 45. * Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, губернаторъ города Москвы въ 1812 г.
 46. Александръ Александровичъ Бибиковъ, начальникъ С.-Пет. сполчокъ въ 1812 г.

ВИДЫ И ПРОЧ. РИСУНКИ.

47. Видъ города Амстердама въ XVIII столѣтіи. Со старинной голландской гравюры.
 48. Видъ города Саардама въ началѣ прошлаго столѣтія, съ гравюры Радига того времени.
 49. Видъ старой верфѣ Остъ-киндской Компаниї въ (Голландіи), на которой работалъ Петръ Великій въ 1697 году. Съ голландской гравюры Шенка прошлаго столѣтія.
 50. Видъ города Березова въ XVIII столѣтіи.
 51. * города Смоленска въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры Хеммерля.
 52. * Озинка въ крѣпости въ концѣ XVIII стол., съ гравюры Вольсона.
 53. * города въ порту Николаеве въ концѣ XVIII столѣтія.
 54. * Остроновъ, имѣнія князя Потемкина на Невѣ близъ Петербурга.
 55. Мѣсто, где находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.
 56. Дорога Денисова Арх. губ.
 57. Спасско-Преображенскій соборъ и Греческій монастырь въ Холмогорахъ.
 58. Московская улица въ XVIII столѣтіи.
 59. Церковь Св. Николая, что въ Столпахъ въ Москве.
 60. Соборъ въ Березовѣ.
 61. Видъ города Нарвы.
 62. Карава — Иванъ-Городъ.
 63. * Бирма.
 64. * Нѣмецкая церковь.
 65. * Магистратъ.
 66. * Финская церковь.
 67. * Городская башня.
 68. Карава — Никольская церковь.
 69. * Преображенскій соборъ.
 70. * Знаменская церковь.
 71. * Училище.
 72. * Дворецъ Петра Великаго.
 73. * Юдльский водовыдъ.
 74. Сожженіе разнодѣльныхъ книгъ при Царь Феодорѣ Алексѣевичѣ 18 Января 1682 г.
 75. Стѣльцы при царевѣ Софіѣ. — Смерть боярина Матвѣева.
 76. Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ, съ гравюры Свистунова.
 77. * * въ голландскомъ жатросскомъ платьѣ, съ гравюры Маркуса.
 78. * * работающій на корабельной верфи въ Саардамѣ.
 79. Домикъ, въ которомъ Петръ Великій жилъ въ Саардамѣ.
 80. Внутренность домика, где жилъ Петръ Великій въ Саардамѣ, съ гравюры Смолтера.
 81. Петръ Великій и Цесаревѣтъ Алексѣй Петровичъ, съ картинѣ Га.
 82. * спасающій утонавшихъ на Даутѣ.
 83. Домъ князя Меншикова въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи.
 84. А. Д. Меншиковъ въ Березовѣ.
 85. Штурмъ у клюза Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ.
 86. Вычілій дворецъ Г. А. Потемкина въ Екатеринодарѣ.
 87. Кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. Съ гравюры Скороднича.
 88. А. В. Суворовъ изъ С.-Гогардѣ въ Швейцаріи 13 Сентября 1799 г.
 89. Побѣда при Фоншанакъ. — Встрѣча Суворова съ принцемъ Нобургскимъ.
 90. Сдача Суворову Краковскаго замка. — Извѣщеніе Конфедератами покорности въ 1779 г., съ гравюры прошлаго столѣтія.
 91. Императрица Екатерина II и Шуваловъ у Домоносова.
 92. Пожаръ Москвы въ 1812 г. Домъ Башнова и Меншикова послѣ пожара.
 93. Прежній старый памятникъ боярина А. С. Матвѣева — разобранный въ 1890 г.
 94. Памятникъ боярина А. С. Матвѣева при церкви Св. Николая въ Москвѣ поставленъ въ 1821 г.
 95. Внутренность гробницы боярина Матвѣева.
 96. Могила пажини Д. М. Меншиковой.
 97. Памятникъ Г. А. Потемкину-Таврическому въ Херсонѣ.
 98. * близъ Яссъ на месте кончины Потемкина.
 99. * А. В. Суворову-Рымникскому, на прежнемъ его месте въ С.-Петерѣ.
 100. * М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ.
 101. * на месте избы въ Филиѣ, подъ Москвою, где жилъ Кутузовъ въ 1812 г.
 102. Формы обмундирования: Стѣльцы начальника.
 103. * * редовъ.
 104. * * въ Екатерининское время. Гвардейскіе офицера.
 105. * * * * * солдаты.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя	5
Портреты и рисунки	13
Глава I. Домъ родительскій	15
» II. Съверное сіяніе	33
» III. Москва	45
» IV. Училище	63
» V. За границей	73
» VI. Солдатъ	87
» VII. Слава	101
» VIII. Труды	109

Изъ сочиненій Ломоносова:

Ода. Предложеніе псалма 14	16
Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ	34
Ода, выбранная изъ Іова	46
Ода. Предложеніе псалма 26	88
Ода Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II	102

Портреты и рисунки.

Портреты:

Михаила Васильевича Ломоносова.

Императрицы Анны Иоанновны.

› Екатерины II.

Рисунки:

Деревня Денисовка.

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій соборъ въ Холмогорахъ.

Императрица Екатерина II у Ломоносова.

Памятникъ М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ.

I.

ДОМЪ РОДИТЕЛЬСКІЙ.

ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА.

О Д А.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14.

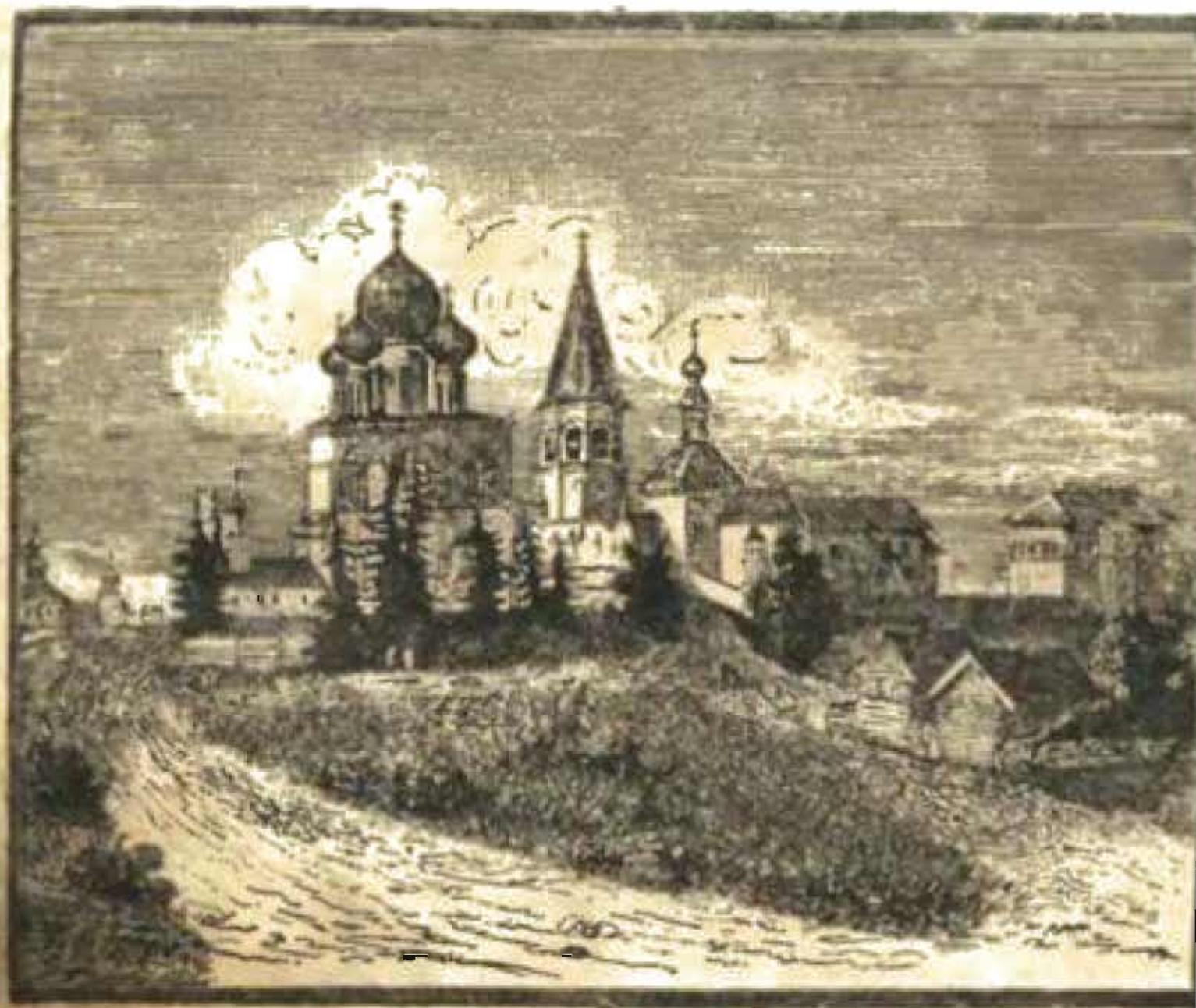
Господи! Кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горникъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходить непорочно,
Правду завсегда хранить,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говорить.

Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наносить бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираеть всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъnimъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не береть.
Кто на свѣтѣ такъ жить тщится,
Тотъ во вѣки не падеть.

падо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмого-

рь

СЫНЪ РЫБАКА МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

I.

Домъ родительскій.

Въ Архангельской губерніи есть городъ Холмогоры. Не въ дальнемъ разстояніи отъ него лежитъ *Куростровская волость*.

Около 1711 года, у одной изъ красивѣйшихъ избъ этой волости сидѣлъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ. Онъ съ любовью смотрѣлъ на ребенка, котораго покачивалъ на колѣняхъ своихъ; и точно, ребенокъ былъ красавчикъ; темно-русые волосы кудрились вокругъ бѣленькаго, румяного и полнаго лица; каріе глаза его сверкали понятливостью и умомъ.

За избой, на самомъ берегу Сѣверной Двины, были развѣшены для просушки сѣти; двѣ опрокинутыя лодки, или чайки, какъ ихъ

называют тамошние рыбаки, лежали на чистомъ пескѣ; мерёжи и съти различныхъ видовъ и размѣровъ были разставлены въ порядкѣ. По этимъ подробностямъ легко можно догадаться, что хозяинъ этой избы занимался рыбной ловлей.

Изъ окна, подъ которымъ сидѣлъ рыбакъ, глядѣла на него съ улыбкой крестьянка, красивой и чрезвычайно пріятной наружности.

— Смотри, хозяйка, сказалъ рыбакъ женѣ своей, поднявъ ребенка, который протягивалъ пухленѣкія ручонки къ матери: смотри, какой у насъ Миша будетъ молодецъ!

Мать молча обняла и поцѣловала малютку.

— Онъ будетъ славный рыбакъ! продолжалъ отецъ:—я его съ-молоду пріучу къ волнамъ и вѣтру; съ-молоду пріучу его править парусами или весломъ; повѣрь, жена, онъ будетъ у насъ первый рыбакъ во всей волости!

— Кто знаетъ, Василій! отвѣчала жена, вздохнувъ:—мы всѣ подъ Богомъ! Къ чему его Господь поведеть, тѣмъ ему и быть.

— Да чѣмъ же ему и быть, какъ не рыбакомъ? Я самъ, отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ, всѣ были рыбаки, и—слава тебѣ Господи!—

нужды не знали; да и не знаемъ, сказаль Василій.

— Оно такъ, возразила жена: да все-таки, это ремесло невѣрное...

— Полно, жена!

— Послушай, Василій, ласково сказала ему жена: пусть будетъ нашъ Миша и рыбакомъ, да почету ему большаго никогда не будетъ, если мы его ничему не научимъ... Надо его выучить грамотъ...

— Что же, ему дьячкомъ что-ли быть?

— Не то ты говоришь, Василій; вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, ты самъ: мужикъ умный, работящій, зажиточный, а вѣдь не выбрали же тебя ни въ старости, ни въ сотскіе; а все потому, что грамотъ не знаешь.

— Больше почету, больше хлопотъ! отвѣчалъ Василій: ну, да ужъ ладно, вы, бабы, только за почетомъ гонитесь; вамъ хоть нечего ъсть, да была бы честь... грамотъ-то мы выучимъ Мишу, однако все-таки онъ будетъ рыбакомъ!

И съ послѣдними словами, которыя Василій произнесъ твердо, онъ всталъ, передаль сына женѣ и отправился осматривать сѣти.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ распола-

гаетъ... Твердо было намѣреніе Василія, но онъ забывалъ, что есть высшая воля, премудрая и обширная, управляющая не только всѣмъ міромъ вообще, но и судбою каждой былинки этого міра!...

Время течетъ скоро, годы идутъ за годами. Миша не обманулъ надеждъ отца—онъ рось молодцомъ и умницей. Когда ему минуло семь лѣтъ, Василій, отецъ его, пошелъ къ дьячку съ поклономъ, и попросилъ взять Мишу въ науку для обученія грамотѣ.

Прошло еще три года, и Мишѣ больше нечemu было учиться у дьячка; ученикъ былъ также учень, какъ и учитель.

Около того времени, у избы Василія была особенная суматоха. Жена его укладывала въ корзину разную провизію. Батраки, т. е. работники, спускали лодки на воду, укладывали сѣти; самъ Василій ходилъ отъ одного къ другому, поощряя всѣхъ словомъ и дѣломъ.

Рыбаки собирались на промыслъ.

Когда все было приготовлено, Василій отыскалъ Мишу, который сидѣлъ въ углу и въ десятый, быть-можетъ, разъ перечитывалъ старинную славянскую, церковную книгу.

Рыбакъ взялъ сына за руку, подвель сго къ женѣ и сказалъ:

— Ну, жена, благослови-ка Мишу, онъ подросъ, и теперь, кажется, ему пора въ работу.

— Куда его въ работу, отвѣчала мать, нѣсколько встревоженная: вѣдь онъ еще слишкомъ молодъ; дай срокъ—подростеть, тогда съ Богомъ! Ее тревожила мысль объ опасностяхъ, которымъ любезный ея Мишенька будетъ подвергаться.

— Что за молодъ? возразилъ отецъ: вѣдь ему минуло уже десять лѣтъ; нѣть! какъ хочешь, жена, а ему пора за работу, а то, что онъ безъ дѣла шатается...

— Не грѣхъ ли тебѣ это говорить? Сидѣть ли нашъ Миша безъ дѣла? Развѣ не выучился онъ грамотѣ у приходскаго дѣячка, такъ что читаетъ теперь лучше учителя своего? Вѣдь онъ почти наизусть знаетъ всѣ книги, которыя ему попадались въ руки...

— Да какой прокъ въ книгахъ? отвѣчалъ, нѣсколько разсердившись, Василій: — выучился по складамъ разбирать, писать да считать, и слава Богу! будетъ съ него! Къ чему ему вся премудрость? Я уже тебѣ не

разъ говорилъ, что ему не дьячкомъ же быть. Помоему бы поменьше читалъ, да принялъ бы за дѣло... Какъ хочешь, жена, а мы ѿдемъ теперь на промыслъ къ Бѣлому морю, и я возьму Мишу съ собой, а не то, пожалуй онъ совсѣмъ избалуется безъ дѣла!

— Помилуй, кормилецъ, вскричала испуганная мать: ты возьмешь его съ собой къ Бѣлому морю? Какъ же это можно тащить въ такую даль ребенка... да онъ, бѣдняжка, и не снесеть, захворасть... Родимый ты мой, вѣде Мишенька у насъ одинъ сынъ, а ты уморить его хочешь!

— Полно, жена, Миша у насъ, слава Богу, силенъ и здоровъ; что ему сдѣляется? Притомъ же, надо когда-нибудь начать, такъ лучше рано, нежели поздно!

Жена хотѣла еще что-то сказать, но Василій былъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и не давъ ей выговорить слова, проговорилъ:

— Онъ поѣдетъ, и дѣло съ концомъ!

Бѣдная мать знала, что когда мужъ ся что-нибудь захочетъ, то ужъ не собьешь его, а потому замолчала и со слезами на глазахъ смотрѣла на Мишу.

Наконецъ настала минута разлуки... крѣп-

ко обнимала мать любезнаго сынка своего... ей казалось, что она никогда болѣе съ нимъ не увидится... мальчикъ утѣшалъ ее...

— Не плачь, родимая, говорилъ онъ, утирая слезы матери: я вѣдь не долго буду; мы съ тятей много-много рыбы наловимъ... привеземъ къ тебѣ, и ты сваришь намъ уху! А вѣдь ты на это мастерица!... Ну, полно же плакать!

А мать все крѣпче и крѣпче прижимала его къ сердцу своему, потомъ благословила, сотворила надъ нимъ молитву, еще разъ поцѣловала и посадила въ лодку...

Рыбаки отплыли...

Долго стояла опечаленная мать на берегу и, смотря вслѣдъ за отплывавшими, горько плакала... Быстро летѣла лодка на широкихъ парусахъ, оставляя по себѣ полосу, медленно сглаживавшуюся... бѣлый парусъ виднѣлся еще вдали, но и тотъ вскорѣ исчезъ...

Только тогда мать Миши воротилась домой...

Лодка быстро неслась. Василій самъ правилъ парусомъ. Миша сидѣлъ задумчивъ на одномъ краю лодки — онъ думалъ о матери, съ которой только-что разстался. Наконецъ

Василій прервалъ молчаніе и, обратившись къ сыну, сказалъ:

— Что загрустился, Миша? Полно, вѣдь мы ѿдемъ только на недѣльку, много на двѣ; такъ чего-жъ тутъ?... Будь же повеселѣй, а то, право, смотришь такой бабой!

Миша поднялъ голову, улыбнулся отцу и тогда только сталъ осматриваться. Прежде всего взоръ его обратился въ ту сторону, откуда они уѣхали; онъ надѣялся еще увидѣть мать свою... но нѣтъ! Земля исчезла уже у нихъ изъ виду, только вдали виднѣлась синяя полоса...

— Ахъ, тятя! вскричалъ наконецъ Миша какъ бы невольно: ахъ, какъ прекрасно!

— Что прекрасно? спросилъ отецъ.

— А вотъ облака вокругъ заходящаго солнышка! Экъ горить, глядѣть больно! Посмотри, вонъ то облачко какое сизенькое, тамъ другое красненькое, а вотъ поблизѣ къ солнцу, тамъ словно жаръ горить!

— Эка невидаль какая! сказалъ одинъ изъ батраковъ: да гдѣ же ты тутъ видишь сизенькое да красненькое? Помоему, такъ книзу все желто, а кверху синѣ!

Миша, нахмутивъ брови, посмотрѣлъ на него; но неудовольствіе его было непродол-

жительно, красота природы вскорѣ опять овладѣла всѣмъ вниманіемъ его.

— А тутъ—гляди, гляди, тятя! какими яркими, свѣтлыми звѣздочками отсвѣчивается въ волнахъ ясное солнышко... Ахъ! какъ все это прекрасно Господомъ создано!...

— Виши, сказалъ, смѣясь, отецъ: тотчасъ видно, что разныхъ книжекъ начитался; вѣстимо, что все хорошо создано; да чего же ты ротъ разинулъ, будто въ первый разъ все это видишь? Чего ты безпрестанно: ахъ да ахъ!

Хотя Михайло былъ еще очень молодъ, но Господь даровалъ ему особенный умъ; ему самимъ Небомъ была уже назначена дорога, по которой онъ долженъ былъ идти, а потому ему было слышать слова отца. Онъ радовался отъ души, потому что душа его создана была къ тому, чтобы понимать и любить все прекрасное въ природѣ, а отецъ, родной отецъ его, говорилъ, что онъ книжекъ начитался! Онъ восхищался величіемъ Всевышняго, проявлявшимся въ дѣяніяхъ Его, а его не понимали, надѣ нимъ даже смѣялись! Это оскорбило Мишу, и онъ рѣшился любоваться природой молча, чтобы не слышать грубыхъ замѣчаній.

Но тогда насмѣшки удвоились. Работники отца его никакъ не могли постигнуть, зачѣмъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ засматривался на небо, на воду, или любовался деревомъ, кустарникомъ, даже листочкомъ. Если бы Василій зналъ, какъ горьки были Мишъ эти насмѣшки, то, вѣрно, запретилъ бы ихъ.

Рыбаки наши послѣ нѣсколькихъ дней довольно успѣшной рыбной ловли остановились переночевать на маленькомъ островкѣ, потому-что Василій, какъ человѣкъ опытный и бывалый, предсказывалъ сильную бурю. Въ недальнемъ разстояніи отъ берега, подъ защитой частаго кустарника, былъ раскинутъ шалашъ: тамъ рыбаки наши развели огонь, поужинали и улеглись спать.

Не смотря на всѣ признаки приближавшейся бури, здоровые и усталые работники вскорѣ захрапѣли... одинъ Миша не могъ уснуть...

Онъ слышалъ вой вѣтра, слышалъ далекіе раскаты грома; сердце его сжималось невольнымъ страхомъ, но, не смотря на то, онъ не могъ преодолѣть желанія поближе посмотреть на картину страшной бури. Онъ не вытер-

пѣль, потихоньку всталъ и вышелъ на чистый воздухъ...

Невозможно описать, чтѣ чувствовалъ Михаилъ, когда взглянулъ на море, по которому пѣнились громадныя волны, которыя, далеко набѣжавъ на берегъ, разстилались широкою, черною пеленою или, ударяясь о камни береговые, разсыпались въ мелкія брызги!... Какъ радовался онъ, когда вдругъ свѣтлая молнія, вылетавшая изъ черныхъ тучъ, на минуту освѣщала море... ему пріятны были свистъ, вой вѣтра и страшные раскаты грома!... Во всемъ этомъ ему видѣлось и слышалось что-то особенное, необыкновенное, чего онъ своимъ необразованнымъ умомъ не понималъ, но чтѣ чувствовалъ всю душою...

Невольно преклонилъ онъ колѣна предъ величіемъ и всемогуществомъ Того, Кому и молнія и громъ повиновались... и сотворилъ тихую молитву!

Таковъ былъ десятилѣтній Михаилъ Ломоносовъ—сынъ простаго рыбака!

Наловивъ множество всякой рыбы, Василий сталъ думать о возвращеніи домой. Михаило былъ виѣ себѣ отъ радости, при мысли о свиданіи съ любимой матерью; онъ впервые

разлучился съ нею, и двѣ недѣли разлуки казались ему вѣчностью... но увы! радость его была непродолжительна... дома ожидало его горе и тоска... онъ засталъ добрую мать свою въ сильной горячкѣ!

Во-первыхъ, большая помощь и не могла быть подана больной; а во-вторыхъ, состояніе ея было такъ опасно, что никакая человѣческая сила не могла уже спасти ее!...

Прошло девять тяжкихъ, горестныхъ дней. На десятый больная простиась съ мужемъ, благословила милаго сына, и душа ея отлетѣла въ другой, лучшій міръ!

Михайло быль неутѣшенъ.

Онъ просиживалъ цѣлые дни на могилѣ родимой, украшенной простымъ чернымъ деревяннымъ крестомъ съ бѣлою надписью; тамъ онъ горько плакалъ, забывая обѣдъ, ужинъ, даже любимыя книги свои. Наконецъ Василій, также крѣпко горевавшій о потерѣ жены, замѣтивъ, что Миша худѣеть и хвораетъ, запретилъ емуходить на могилу.

Михайло, какъ добрый сынъ, повиновался, но, чтобы разсѣяться, ревностнѣе принялъся за ученіе, которое состояло въ томъ, что онъ безпрестанно перечитывалъ церковныя

книги. Отецъ только пожималъ плечами; но такъ какъ послѣ смерти жены онъ еще крѣпче полюбилъ Мишу, то ему трудно было отнять отъ него книги.

Однажды, одинъ богатый холмогорскій житель, Христофоръ Дудинъ, случайно проходя мимо избы Василія, замѣтилъ Мишу, прилежно перебирающаго книгу. Такъ какъ умѣніе читать считалось въ то время большою рѣдкостью, то Дудинъ подошелъ къ мальчику, заставилъ его прочесть нѣсколько строкъ, и услышавъ, какъ Миша бойко прочелъ указанное, съ изумленіемъ погладилъ его по головѣ.

— Ай да молодецъ! сказалъ Дудинъ: продолжай, голубчикъ, читай больше, и умъ твой просвѣтится!

— Ахъ, отвѣчалъ Миша, и радъ бы читать, да нечего!

— Постой же, коли въ тебѣ такое желаніе, то завтра я пришлю тебѣ въ подарокъ пару книжонокъ. У меня ихъ много!

Миша такъ обрадовался, что чуть не бросился въ ноги благодѣтелю своему. Во всю слѣдующую ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ: ему все мерещились новые книги, которыхъ

объщалъ ему Дудинъ. Наступило утро; Миша ждетъ-не-дождется книгъ но—о радость!— вотъ явился посланный Дудина.

— Гдѣ Михайло Ломоносовъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ мальчикъ,—и чуть не бросился на посланнаго, у которого подъ мышкой было что-то завернутое въ бумагу.

— Вотъ тебѣ. книги отъ Христофора Игнатьевича Дудина...

Какъ дрожали руки Миши, когда онъ развертывалъ бумагу!... но вотъ передъ нимъ открылись двѣ тощія книжонки, напечатанныя некрасивыми буквами на сѣрой, толстой грубой бумагѣ; наружность этихъ книжекъ была такова, что въ нынѣшнее время отбила бы у всякаго охоту не только прочесть, но и взять ихъ въ руки. Несмотря на то, онъ показались Мишѣ роскошнѣйшимъ изданіемъ!

Дрожающими отъ радости руками онъ раскрылъ книги—одна изъ нихъ была грамматика, другая ариѳметика.

Съ удивительнымъ прилежаніемъ принялъ Михайло за ученіе этихъ двухъ наукъ, казавшихся ему верхомъ познаній человѣческихъ; но чѣмъ болѣе онъ учился и читалъ, чѣмъ болѣе обдумывалъ прочитанное, чѣмъ

болѣе развивался природный умъ его, тѣмъ неудовлетворительнѣе были для него краткія и весьма плохія объясненія, находившіяся въ этихъ книгахъ, и страсть его къ учению со дня на день возрастала. Въ предисловіи къ грамматикѣ и въ самомъ объясненіи правиль ея Михайло встрѣчалъ частыя ссылки на латинскій языкъ. Онъ никогда не слыхивалъ объ этомъ языкѣ, а потому при первомъ случаѣ попросилъ объясненій у бывшаго учителя своего, дѣячка.

— Латинскій языкъ, сирѣчь латынь, — толковалъ дѣячокъ: — есть такой языкъ, которымъ, во времія дно, говорилъ народъ, прозывавшійся Римлянами. Теперь же говорятъ симъ нарѣчиемъ единые ученые люди, и всякия книги на ономъ языкѣ есть.

— Всякія книги? спросилъ Михайло.

— Всякія, и все хорошія, отвѣчалъ съ важностью дѣячокъ.

— А вы, Сидоръ Панкратьевичъ, знаете говорить по-латыни?

— Маленько зналъ, да и то позабыть.

— А трудно ему выучиться? спросилъ опять Миша.

— Великихъ затрудненій стоять. Притомъ

же оному наръчию обучають только въ Москвѣ ѿѣлокаменной, Кіевѣ святомъ, да въ Питербурхѣ иѣмецкомъ!

— А трудно туда попасть? съ грустью произнесъ Миша.

— Далеко кулику до Петрова-дни, замѣтилъ очень неутѣшительно Сидоръ Панкратьевъ.

Императрица Анна Иоанновна.

II.

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Лице свое скрывасть день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тѣнь;
Лучи отъ нась склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа иѣть, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ!
Теряюсь мысльми утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласять:
Тамъ разныхъ множества свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, Натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мечуть огнь моря?
Се хладный пламенъ нась покрылъ!
Се въ нощь на землю день ступилъ!

II.

Съверкое сіавіе.

Михаилу минуло пятнадцать лѣтъ. Ни время, ни занятія, ни что не могло заглушить въ немъ двухъ мыслей, вполнѣ овладѣвшихъ имъ. Мысли эти были: Москва и латинскій языкъ! Ему опротивѣло ремесло рыбака... онъ былъ рожденъ не для тѣлеснаго, а для умственнаго труда, слѣдовательно, въ кругу своихъ, между рыбаками, онъ жилъ какъ бы въ пустынѣ... никто не понималъ, никто не могъ понять его, а потому онъ прослылъ между своими большими лѣнтяемъ.

Грустно было бѣдняку, но ему стало еще грустнѣе, онъ сдѣлался еще несчастнѣе, когда узналъ, что отецъ намѣренъ опять жениться, и что выбралъ уже себѣ въ жены дѣвушку, которая по всей деревнѣ слыла глупою, злую и бранчivoю.

Василій женился. Горько было Мишѣ на-

зывать материю другую женщину послѣ той, которая дала ему жизнь, и которая такъ нѣжно любила его; но онъ долженъ быль покориться, изъ уваженія къ отцу.

Первый годъ женитьбы Василія прошелъ довольно спокойно, но на второй жена взяла надъ нимъ такую власть, что онъ сдѣлался почти рабомъ ея. Но еще болѣе и чаще нападала она на бѣднаго Мишу.

— Чѣмъ ты смотришь сквозь пальцы на этого большаго болвана, говорила она Василію: смотри, какъ онъ выросъ, а все за книжками сидитъ, да листы перевертываешь, да время понапрасну убиваешь! Кабы онъ поменьше за азами сидѣлъ, да занялся бы дѣломъ, такъ тебѣ полегче было-бы; кто жъ тебѣ и помощникъ, какъ не родной сынъ!

— Она вѣдь правду говорить, — говоривъ отецъ Михайлу: — чѣмъ ты все за книгами сидишь? вѣдь это просто бездѣлье; брось ихъ, голубчикъ...

— Ну ужъ глупъ ты, Василій, сердито кричала жена: упрашиваетъ еще! А по-моему, такъ поколотилъ бы его, да книги въ огонь побросалъ!

Михайло невольно схватилъ драгоцѣнныя книги свои и крѣпко прижалъ ихъ къ себѣ.

Мачиха ворча ушла изъ избы. Василій молчалъ.

Чѣмъ болѣе страдалъ Михайло отъ бранчивой, сердитой мачихи, тѣмъ драгоцѣннѣе были для него тѣ минуты, когда онъ оставался одинъ съ любезными книгами своими, тѣмъ болѣе усиливалось желаніе его учиться. Давно уже собирался онъ просить отца, чтобы отпустилъ его въ Москву, но не рѣшался... Теперь же минута казалась ему удобною... онъ былъ одинъ съ отцомъ...

Опустивъ голову, Михайло тихо подошелъ къ отцу, всталъ передъ нимъ на колѣни, поклонился въ ноги, и дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Родимый! Выслушай прошеніе мое, а потомъ рѣши, быть мнѣ счастливымъ или нѣтъ?...

— Что ты, Миша? не провинился ли въ чемъ? спросилъ съ беспокойствомъ отецъ.

— Можетъ и провинился, что задумалъ такую вещь... но что дѣлать? Надо же наконецъ сказать тебѣ всю правду...

— Чѣмъ тебѣ надобно?

— Батюшка, благослови, да отпусти въ Москву на ученье!... произнесъ Михайло съ усилиемъ.

— Что ты! вскричалъ отецъ, всплеснувъ руками: вишь еще что задумалъ!... Въ Москву, и зачѣмъ? На ученье!... Въ такую даль и за дѣломъ пустымъ и ненужнымъ! Поди, поди, Богъ съ тобой! Я и слышать не хочу!

Михайло все еще стоялъ на колѣняхъ передъ отцомъ и, простирая къ нему руки, продолжалъ умоляющимъ голосомъ:

— Родимый, охота пуще неволи! Я буду учиться по днямъ и по ночамъ, пойму мудрость науки и, можетъ-быть, со-временемъ...

— Что со-временемъ? Поймешь мудрость науки, а что въ томъ проку? Полно вздоръ молоть, Мишка, не въ свои сани не садись! Ступай-ка лучше чинить сѣти; весной мы опять поѣдемъ на нацъ промыслъ, который вѣриѣ и лучше всякихъ книжныхъ наукъ!

— Воля твоя, батюшка! а мнѣ опротивѣль твой промыслъ, и только ученіе...

— Негодный! вскричалъ съ гнѣвомъ, вскочивъ, отецъ: ты смѣешь говорить, что "мой промыслъ тебѣ опротивѣль"? Промыслъ, съ помощію котораго я нажилъ себѣ, благодаря

Создателю, порядочный кусокъ хлѣба, промыслъ, которымъ занимался дѣдъ и прадѣдъ твой! А ты, мальчишка, молокосось, смѣешь говорить, что онъ тебѣ опротивѣлъ! Да какъ у тебя языкъ повернулся, чтобы это вымолвить!... А все глупыя книжки виноваты; я-же ихъ приберу къ рукамъ; смотри, выкинь дурь изъ головы и примись за дѣло, а не то вѣдь и въ самомъ-дѣлѣ... Тутъ онъ погрозилъ ему кулакомъ.

Что оставалось бѣдному Михайлу? Молчать и страдать! Противъ воли и власти отца идти нельзя. Ручьями полились слезы изъ глазъ его, тяжелая грусть-тоска запала въ сердце, пропала вся надежда!... Въ избѣ бѣдному Михайлу стало душно, онъ вышелъ на чистый воздухъ.

Морозъ былъ сильный. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами молодаго крестьянина, который, не чувствуя холода и на минуту забывъ горе свое, смотрѣлъ, какъ серебряная луна бросала по бѣлому снѣгу нѣжный свѣтъ... онъ любовался легонькими облачками, которые то перѣзывали, то совсѣмъ закрывали луну... бѣлая степь простидалась въ безконечность, сливаясь съ темно-синимъ сводомъ небеснымъ...

Долго и въ задумчивости смотрѣлъ Михайло на дивную картину съверной, зимней природы... вдругъ на горизонтѣ появилась слабая полоса свѣта, которая быстро распространялась по темному своду, становясь на горизонтѣ все ярче и свѣтлѣе... вскорѣ свѣтъ огромнымъ полукружіемъ обхватилъ всю съверную часть неба... померкли блѣдныя звѣзды въ мрачной и холодной безднѣ неба... потускнѣла даже луна... вся природа покрылась яркимъ розовымъ свѣтомъ...

Это было съверное сіяніе!

Молча и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ Михайло на это чудо съвера. Все вокругъ него было тихо... и только когда яркіе лучи свѣта стали мало-по-малу блѣднѣть и наконецъ совсѣмъ угасли, онъ вспомнилъ о томъ, что дома его, можетъ быть, опять ждутъ выговоры и брань... Тихими шагами и задумчиво пошелъ онъ домой.

Воротившись въ избу, онъ увидѣлъ, что отецъ и мачиха его уже отъужинали. Василій сердито посмотрѣлъ на сына, а по лицу мачихи видно было, что въ отсутствіи Михайлы она успѣла многое наговорить на него.

— Гдѣ ты опять шатался? сердито спросилъ Василій.

— Изволить прогуливаться! подхватила мачиха: виши баринъ какой! мало ему стало бродить цѣлый день, такъ онъ и ночью ни вѣсть гдѣ таскается; домой приходить только тогда, когда проголодается, да и то не въ пору!... Ну, Василій, послушайся ты словъ моихъ, проучи лѣнтяя, а то отъ него проку не будетъ!... Самъ послѣ наплачешься!

— Полно тебѣ браниться! съ неудовольствіемъ отвѣталъ Михайло, выведенный изъ терпѣнія: по твоимъ словамъ, право, подумать можно, что я разбойникъ какой-нибудь!... Ну прозѣвалъ, такъ не давай мнѣ ъсть, я и такъ спать пойду!

— Ахъ ты бродяга! вскричала съ гнѣвомъ мачиха, и тяжеловѣсною рукою ударила Михайлу по лицу. Еще разговаривать смѣешь!

Кровь бросилась юношѣ въ голову; сердце его сильно забилось, кулаки сжались... но онъ удержался, вспомнивъ, что она жена отца, котораго онъ любилъ и уважалъ.

— Батюшка! произнесъ Михайло тихимъ, дрожащимъ голосомъ, обратившись къ Василію; если я виноватъ, накажи ты меня, но не вели ей безвинно обижать меня.

— Безвинно! вскричала злая баба, и стала:

осыпать Михайлу оскорбительнѣйшими ругательствами: — безвинно! дай же я тебѣ еще прибавлю! И сжавъ кулаки, она опять хотѣла броситься на него, но мужъ удержалъ ее. Отцовское сердце заговорило въ немъ.

— Стой, баба! вскричалъ онъ ей строгимъ голосомъ: не троны! Если Мишка провинился, то мнѣ наказывать его, а не тебѣ... ты ему не родная; а коли онъ невиненъ, такъ мнѣ же слѣдуетъ защищать его—а потому, я приказываю тебѣ не обижать его.

— Ты мнѣ приказываешь! кричала баба, уперевъ кулаки въ бока: — что ты мнѣ за начальникъ? Да я тебя слушаться не стану и изобью этого мальчишку...

— Молчать! вскричалъ Василій громовымъ голосомъ и сильно ударилъ кулакомъ по столу, такъ что неубранная еще посуда запрыгала на немъ.

Мачиха прикусила губы, бросила на Михайлу злобный, ядовитый взглядъ и ушла, проворчавъ:

— Ужъ я тебѣ отплачу! Погоди ты у меня!...

Но не суждено ей было болѣе мучить его...

Всѣ спали, одинъ Михайло не могъ сомкнуть глазъ и горько плакалъ. Онъ вспоминаль-

о родной матери своей. Обиды, причиняемые ему каждый день мачихой, болѣе и болѣе огорчали его, но тягостнѣе всего была для него мысль, что онъ долженъ будѣть заглушить въ душѣ своей страсть къ ученію, къ познанію чудесъ природы, чтобы продолжать промыслъ отца!...

Онъ былъ близокъ къ отчаянію, когда вдругъ въ голову его запала мысль бѣжать изъ дома родительскаго... Но какъ? Кто укажетъ ему дорогу? Въ состояніи ли онъ идти пѣшкомъ, въ холодную зиму? А гдѣ найти товарищѣй, которые бы знали дорогу въ Москву?... Тогда Михайло вспомнилъ о московскихъ торговцахъ, прѣѣзжавшихъ къ отцу его за покупкой рыбы. Утромъ того дня они уѣхали и не могли еще далеко уйти, такъ что ему возможно было догнать ихъ... но тутъ онъ опять вспомнилъ объ отцѣ... горько было ему оставить его, и оставить какъ преступнику, безъ согласія, безъ его благословенія... только мысль возвратиться со временемъ съ честью въ домъ родителя, утѣшить старость его успѣхами своими въ наукахъ, помогла ему перенести тяжкую разлуку.

Онъ рѣшился... тихонько слѣзъ съ пола-

тей, босикомъ пробрался къ тому мѣсту, гдѣ спалъ отецъ... Михайло весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ... его бросало то въ жаръ, то въ холодъ... наконецъ, онъ легонько приложился къ рукѣ отца и всталъ какъ бы подъ благословеніе... усердно помолился иконамъ, предъ которыми въ углу теплилась лампада, и пошелъ къ двери... дрожащею рукою снялъ крючекъ, и хотѣлъ уже переступить за порогъ—какъ вдругъ любимый черный котъ его выскочилъ изъ-за угла и какъ бы хотѣлъ преградить ему дорогу... Михайло погладилъ его, бросилъ послѣдній прощальный взглядъ въ избу, и ступилъ за порогъ... Морозъ былъ сильный, но онъ не чувствовалъ его... онъ весь горѣлъ...

Собаки было залаяли, но, узнавъ Михайлу, притихли, лизали руки его, вертѣлись около него и ласками своими какъ бы упрашивали его воротиться домой... но молодой сынъ рыбака упалъ на колѣни, еще разъ помолился Тому, Кто управляетъ жизнью и всѣми дѣйствіями нашими—и не оглядываясь, побѣжалъ по дорогѣ, по которой уѣхали купцы московскіе!.....

DjVu – библиотека сайта
www.biografija.ru

III.
МОСКВА.

ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА.

ОДА,

ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА; ГЛАВА 38, 39, 40 и 41.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь и градъ блестая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебаль,
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ,
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою!
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величіе вѣщали,
Когда отъ солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

III.

Москва.

Холодная зима на Руси, а особенно на самомъ съверѣ ся, не диво; но въ 1728 году она была дѣ того жестока, что не рѣдко путешественники отмораживали себѣ лица, бѣдныя птички на лету падали мертвыя, а голодные волки смѣло подходили даже къ жилищамъ, и унылымъ воемъ наводили страхъ на жителей.

Въ одно свѣтлое утро зимы 1728 года, когда солнышко, высоко поднявшееся надъ землею, покрыло нѣжно-желтымъ свѣтомъ поляны и осыпало миллионами алмазовъ и искрь иней, покрывавший дерсвья,—по дорогѣ изъ Холмогоръ въ Москву тянулись обозы съ замороженою рыбой. Нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ овчinnые тулупы и въ мѣховыхъ рукавицахъ, шли возлѣ обозовъ, припрыгивая, помахивая руками и изрѣдка покрикивая на лошадей, шерсть которыхъ была покрыта инеемъ какъ бы пухомъ.

У послѣдняго воза, возлѣ извощика шелъ обозный прикащикъ; они о чёмъ-то разговаривали, и почти не замѣтили, какъ къ нимъ приблизился молодой парень, лѣтъ семнадцати, пріятной наружности, высокій, стройный; онъ дрожалъ отъ холода, потому-что былъ одѣтъ совсѣмъ не по-дорожному: на немъ былъ одинъ нагольный тулупъ; на головѣ его была старая шапка; на ногахъ, сверхъ онучь, надѣты коты; онъ не былъ даже опоясанъ. Только когда онъ молча прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ воза, прикащикъ замѣтилъ парня.

— Чѣмъ, братъ, тебѣ надо? спросилъ онъ его.

— Мнѣ? ничего, отвѣчалъ робко молодой человѣкъ.

— Какъ ничего! Да куда ты идешь?

— Въ Москву.

— Въ Москву? протяжно и съ изумленіемъ повторилъ прикащикъ, осматривая парня съ ногъ до головы: далеконько, братъ! Притомъ же ты по-лѣтнему одѣтъ. Откуда ты?

— Изъ Холмогоръ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— Мало ли мы кого знаемъ! А какъ зовутъ отца твоего?

Мѣсто гдѣ находился домъ Домоносова въ деревнѣ Дени-
Фурказъ.

Доп. иллюстр. Спб., 4 листа 1852 г.

Типографія П. И. Штейна, Ж. Морса

— Васильемъ Ломоносовымъ.

— Какъ не знать! Кажись, теперь я и тебя припоминаю; ты помогалъ намъ нагружать рыбу.

Помогалъ.

Ну, виши ли, у меня память какая. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву, и какъ дойдешь туда?

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать; только позвольте идти съ вами!

Въ своемъ ли ты умѣй! Чѣмъ тебѣ за надобность въ Москвѣ? Отецъ что ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

— Да... такъ... хочется посмотреть на бѣлокаменную...

— Эге, братъ! такъ ты, видно, убѣжалъ отъ отца!

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... только не за худымъ дѣломъ...

— Толкуй! Знаемъ мы васъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходить. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ. Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя...

— Ваша милосты... не гоните меня! право, я заслужу вамъ.

— Пошелъ ты! Не надо мнѣ твоихъ услугъ— пошелъ!... закричалъ грозно прикащикъ, и хотѣлъ уже поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— А это что у тебя подъ мышкой?

— Это... это я взялъ съ собою...

— Вижу, что ты это взялъ съ собою, а попросту сказать, укралъ!... Ну говори: что у тебя въ узелкѣ?

— Господинъ купецъ, я не укралъ этого, потому-что это мое добро, подаренное мнѣ добрыми людьми...

— Ахъ ты деревенщина!... Знаемъ мы, какъ васъ дарятъ! Видно изъ отцовскаго сундучка стянулъ!

У молодаго парня выступили слезы на глазахъ—не морозъ, а оскорблениe выжало ихъ. Онъ остановился и, не говоря ни слова, въ недоумѣніи глядѣлъ на прикащика, который продолжалъ:

Ну, не правду-ли я говорилъ, что ты воришка? Виши какъ оторопѣлъ!

— Оторопѣлъ отъ твоихъ словъ, госпо-

динъ купецъ! Я воръ! я стану обкрадывать отца!... Господи, Боже мой!... Съ этими словами онъ зарыдалъ и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— Нà, посмотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы!

Прикащикъ поднялъ узелокъ, осторожно развернуль его и съ изумленіемъ вскрикнуль:

— Что это? Книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.

— Да я и не возьму за нихъ тысячу рублей! Эти книги мнѣ дороже всѣхъ твоихъ обозовъ... Ты смеешься? Нѣть я правду говорю! Видно онѣ милы мнѣ, коли я для нихъ оставилъ отца и родимую сторону!...

— Чуднѣ!... пробормоталъ прикащикъ. Ну, пойдемъ до первого роздыха, а тамъ увидимъ.

Молодой человѣкъ опять завернуль книги свои въ узелокъ, и прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ прикащика въ молчаніи. Наконецъ послѣдній заговорилъ снова:

— Теперь я вижу, что обидѣлъ тебя; однако я все-таки не могу понять, зачѣмъ ты идешь въ Москву?

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не анаю и самъ, отвѣчалъ онъ: что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чёмъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ, да ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву тамъ, говорятъ, много людей ученихъ, и есть училища для всякаго, кто вздумастъ учиться. Заговаривалъ я обѣ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, и началъ понимать всякия науки. Къ бѣдѣ моей прибавилось еще и то, что отъ мачихи покоя не было; я и рѣшился убѣжать, чтобы идти въ Москву учиться.

— Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный, отвѣчалъ съ важностью прикащикъ. Спросилъ бы ты у меня, такъ я бы тебѣ даль толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно: видно такъ Богу угодно!

— Богъ меня не оставитъ! — примолвилъ

юноша съ увѣренностью.—А познольте спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

— Какъ гдѣ?... у людей... у духовныхъ. Гдѣ же нашему брату еще учиться. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ; что же ты не учился у него?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

— А что же тебѣ еще надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

— Ого, дружище! такъ вотъ ты каковъ гусь!... Взялъ бы тебя да высѣкъ хорошенъко, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться?... Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ косолапый, а задумалъ въ ученье!..

— Я думаю, г. купецъ, отвѣчаль юноша: что ученымъ никто не родится; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

— Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскіе дѣтки да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать государскіе законы, а

другимъ, чтобы говорить проповѣди, да знать, что поютъ и читаютъ. А тебѣ на что такая ученость?

— Да я не такой учености хочу... молодой человѣкъ не зналъ, какъ выразить свою мысль, хотя въ душѣ и понималъ, о чёмъ говорилъ. Онъ поневолѣ остановился на неоконченной рѣчи.

— Ну, что? То-то, братъ! зналъ бы ты отцовскій неволь да счетъ рыбѣ! А деньгу-то можно сосчитать и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ суждѣніемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня, который, потерявъ всю охоту спорить съ ученымъ сопутникомъ своимъ, молчалъ. Долго шли они въ молчаніи, прерываемомъ только изрѣдка восклицаніями прикащика, въ родѣ слѣдующихъ:

— Экъ подумаешь!... Виши выскочка какой!... Науки захотѣлось!... Э, э, эхъ, эхъ эхъ!

Безъ особыхъ приключений прѣѣхали обозы на мѣсто разыха. Все ожидалось на постояломъ дворѣ, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и принялись за чашку горячихъ щей. Между тѣмъ, молодой парень, удалившись въ уголъ, вы-

нуль изъ кармана кусокъ сухаго хлѣба и хотѣль имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглощенныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— А что жъ ты, родимой, не поѣшь съ нами? Садись-ка благословясь!

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣбасоли не отиѣкиваются, прибавилъ прикащикъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не отсталъ отъ нихъ.

— Ну вотъ, оно и повеселѣе! сказалъ одинъ изъ извоциковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да вотъ, ребята!... началь прикащикъ: малый идеть въ Москву, Богъ его знаетъ зачѣмъ, а єсть у него нечего. Возьмемъ, что ли, его?

— Почто нѣть! отвѣчалъ одинъ извоцикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ!—примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду, поспѣшилъ сказать прикащикъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ! проговорилъ другой. Пожалуй, ты хоть не плати.

— Нѣтъ, и я съ вами! сказалъ прикащикъ.— Ну вотъ... какъ тебя зовутъ, пріятель?... продолжалъ онъ.

— Михайломъ, отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговорь лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь, тамъ за тебя мы не плательщики; слышишь?

Михайло поблагодарилъ своихъ сопутниковъ, какъ умѣль, за благодѣяніе... Деревенскій обѣдъ на десятерыхъ стоилъ въ то время нѣсколько копѣекъ; слѣдовательно, Михайло не могъ стоить сопутникамъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но какъ важно было это для безпріютнаго, беззащитнаго бѣглеца изъ отеческаго дома! *)

И такъ, на первый случай, Михайло обезпечень. Этотъ первый успѣхъ наполнилъ сердце его радостью и казался ему добрымъ предвѣстіемъ.— И почему-жъ бы ему не надѣяться? Вѣдь намѣренія его были чисты, благородны, и только за невозможностью

*) Начало этой III-ей главы, до-сихъ-порѣ, заимствовано, съ некоторыми измѣненіями, изъ сочиненія Ксенофonta Алексѣевича Нодового: „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ”—томъ I.

прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, долженъ онъ былъ бѣжать изъ дома отеческаго. Съ полною, сладкою увѣренностию въ милость Божію, пustился Михайло въ дальний путь, помогая, гдѣ и въ чёмъ только могъ, добрымъ извощикамъ, сжалившимся надъ нимъ.

Наконецъ обозы подъѣхали къ Москвѣ. День былъ прекрасный, и солнце освѣщало золотыя маковки великаго множества московскихъ церквей. Какъ описать то, что происходило въ умѣ и душѣ молодаго холмогорскаго рыбака, при видѣ всѣхъ чудесъ, открывшихся предъ глазами его — дивной, неподражаемой картиной? Его можно было сравнить со слѣпцомъ, который бы внезапно получилъ зрѣніе посреди блестящаго, великолѣпнаго собранія, при свѣтѣ лампъ и люстръ!... Прикащикъ, желая блеснуть знаніемъ Москвы, на каждомъ шагу объяснялъ Михайлѣ встрѣчавшіеся предметы, но юноша не слушалъ его... другой голосъ, болѣе любимый имъ голосъ внутренній, душевный, бесѣдовалъ съ нимъ о другихъ предметахъ...

Обозы остановились у постоянаго двора. Освободившись отъ докучливыхъ разсказовъ прикащика, Михайло нѣсколько отсталъ, но

подойдя къ постоялому двору, онъ невольно вспомнилъ слова прикащика: „въ Москвѣ все дорого, тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь!“—И вотъ онъ въ Москвѣ, между тысячами людей... но ни одного знакомаго!... Только тогда ему представился весь ужасъ его положенія! Куда дѣваться? гдѣ приклонить голову? Въ домѣ родительскомъ его пугала одна отдаленность Москвы, но теперь онъ побѣдилъ это препятствіе, и тысяча новыхъ, болѣе устрашительныхъ препятствій возникли передъ нимъ, какъ грозные укорители!...

Ему стало грустно; сердце его крѣпко, крѣпко сжалось, и внутреннее предубѣжденіе заставляло его читать на лицахъ всѣхъ прохожихъ непріязнь, недоброжелательство! Михайло стоялъ въ тяжкомъ раздумыи, не трогаясь съ мѣста—какъ вдругъ легкій ударъ по плечу заставилъ его вздрогнуть; онъ быстро оглянулся, и увидѣлъ предъ собою прикащика.

— Ну, что, братъ, вотъ ты и въ Москвѣ! Теперь куда ты думаешь?

— Не знаю, отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ юноша.

— Не знаешь? Вотъ то-то и есть! Не спрося броду, не суйся въ воду! Сначала храб-

рился, а теперь притихъ! Ну, да хорошо, что на меня напалъ. Я человѣкъ не злой, и при случаѣ совѣтъ могу подать. Знаешь что?... черезъ недѣльки полторы у насъ опять обозы пойдутъ въ Архангельскъ. До-тѣхъ-поръ ты какъ нибудь пробѣгнешься, а тамъ, братъ, ступай опять домой, во-свояси! Право, лучше будетъ!

Михайло съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, и отвѣчалъ съ твердостю:

— Нѣтъ, домой не пойду.

— Ну, какъ знаешь! Послѣ самъ раскаешься. А я, братъ, самъ человѣкъ семейный, я тебѣ помочь не могу.

— Я и такъ ужъ благодаренъ вашей милости. Авось Господь не оставитъ меня!

— Эй, Михайло! послушайся совѣта моего...

— Домой я не пойду, отвѣчалъ рѣшительно юноша.

— Прощай, братъ! сказалъ прикащикъ, пожавъ плечами.

— Прощайте! отвѣчалъ печально Михайло, и крупныя слезы выкатились изъ глазъ его.

Прикащикъ, почесывая затылокъ, медленно пошелъ къ постоялому двору, но вскорѣ остановился, и опять вернулся къ Михайлѣ,

на которого смотрѣлъ нѣсколько минутъ въ молчаніи. По всему видно было, что сожалѣніе боролось въ немъ со скучностью.

— Куда же ты дѣнешься? спросилъ онъ наконецъ.

— А куда Богъ укажетъ.. Поразспрошу людей... отвѣчалъ, утирая слезы, Михайло.

— Ахъ ты, Господи мой! Нельзя жъ тебѣ оставаться на улицѣ!.. Ну, что дѣлать? Ступай пока со мною, а тамъ, можетъ быть, и придумаемъ что-нибудь...

— Милостивецъ, благодѣтель мой! Господь наградить васъ; но я не хочу быть вамъ въ тягость... отвѣчалъ съ благодарностью Михайло.

— Не хочешь быть въ тягость, такъ зачѣмъ ушелъ отъ отца? А вѣдь мнѣ нельзя же тебя бросить одного въ большомъ городѣ... чего доброго, еще пустишься на какое-нибудь худое дѣло. Да что тутъ много разговаривать, ступай только за мною.

Господь неисповѣдимыми путями всѣ избранника своего къ назначеннй ему цѣли. Прикащикъ принялъ Михайлу къ себѣ въ домъ, и для собственной же пользы своей сталъ хлопотать, чтобы поскорѣе помѣстить его куда-

нибудь. По счастію, у него быль знакомый монахъ, которому онъ и рассказалъ все дѣло. Монахъ, которому понравилась наружность Михайла и желаніе его учиться, обѣщалъ употребить всѣ усилия, чтобы помѣстить его въ Законоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, и находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ которому принадлежалъ монахъ.

Нѣсколько дней, казавшихся Михайлу вѣчностью, прошли. Наконецъ, монахъ пришелъ къ прикащику, велѣлъ позвать Михайлу, и объявилъ, что онъ говорилъ о немъ Ректору, и что тотъ велѣлъ представить себѣ молодаго Ломоносова. Михайло не зналъ, какъ благодарить благодѣтеля своего; въ немъ опять ожили надежды, опять онъ быль веселъ и счастливъ!...

Михайло былъ представленъ Ректору. Послѣднему очень понравились открытый видъ, умные глаза и смѣтливость юноши, и онъ рѣшился принять его въ училище, не смотря на два важныя препятствія: первое то, что Михайло былъ бѣглецъ, а второе, что въ училище не принимали крестьянскихъ дѣтей. Его записали дворяниномъ.

И такъ, сынъ рыбака достигъ цѣли, которой такъ пламенно домогался!... Онъ въ училищѣ. Кто можетъ усомниться въ томъ, что самъ Господь былъ защитникомъ и покровителемъ его?... Чему болѣе приписать то счастіе, съ которымъ онъ дошелъ до цѣли своей? Михайло Ломоносовъ ушелъ изъ дому отеческаго съ тою обманчивою надеждою, что люди поймутъ, примутъ и обласкаютъ его; но люди еще не поняли его, они только скалились надъ нимъ, какъ надъ, безпріютнымъ!... Все это приписывайте не случаю, но милости Всевышняго!... Но, друзья мои, безъ вѣры, безъ сильной воли и увѣренности генія, и Ломоносовъ не пустился бы въ далекій, опасный путь, а если-бъ и пустился, то замерзъ бы на дорогѣ, не нашелъ бы покровителей и заступниковъ и, вѣроятно, погибъ бы безвозвратно. Всѣ эти успѣхи принадлежать генію: только онъ преодолѣваетъ все!...

И такъ, Ломоносовъ поступилъ въ училище, которое, въ просторѣчіи, еще называлось Знконоспасскимъ, между тѣмъ, какъ, по настоящему, оно именовалось *Московскою Греко-Латинскою Академіею*.

IV.

УЧИЛИЩЕ.

Науки юношай питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ

Деревня Денисовка.

Фурката.

Лито. Ильинским. Год. А. Тип. 1905.

IV.

Училище.

Между высокими, почернѣлыми отъ времени, стѣнами, на небольшой лужайкѣ, покрытой тощей, поблеклой, притоптанной травой, съ шумомъ и крикомъ рѣзвилась толпа мальчиковъ, оборванныхъ и запачканныхъ. Они были въ самыхъ разнородныхъ и пестрыхъ платьяхъ, съ прорванными локтями, съ заплатами—словомъ, походили на маленькихъ нищихъ; но это нисколько не мѣшало общему веселью: напротивъ, придавало имъ болѣе свободы, потому что не нужно было бояться, что замараешь или изорвешь платье. Поодаль отъ шумной, прыгавшей толпы, ходилъ молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, съ книгой въ рукахъ. Онъ читалъ съ большимъ вниманіемъ, прохаживаясь вдоль высокой стѣны. На немъ былъ тиковый халатъ, опоясанный ремнемъ. Этотъ юноша былъ Михайло Ло-

моносовъ. Между всѣми небогатыми товарищами своими, онъ былъ самый убогій. Почти у всѣхъ его товарищей были родственники или родители, которые снабжали ихъ одеждой и давали имъ иногда деньги на пищу, на бумагу, книги—и даже на лакомство; а онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ жалованіемъ, которое составляло всего *алтынъ* (три копѣйки) въ день!... Изъ этой черезъ-чуръ скучной суммы Михайло употреблялъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, остальные на бумагу, на обувь и другія нужды. Посудите сами, друзья мои, и вы увидите, что необходима была сильная страсть къ учению и гeniй, чтобы вытерпѣть всѣ эти лишенія и не упасть духомъ.

Михайло, какъ мы уже сказали, былъ погруженъ въ чтеніе, когда вдругъ, надъ самымъ ухомъ его, раздался пискливый голосъ, кричавшій:

— Посторонись, а не то сшибу съ ногъ!

— Я тебѣ не мѣшаю, отвѣчалъ Михайло, оглянувшись и увидѣвъ маленькаго мальчишку.

— Мѣшаешь! закричалъ дерзко маленький товарищъ его: убирайся прочь! Мы хотимъ тутъ играть.

— Вамъ мѣста довольно.

— Не твоѣ дѣло разсуждать, пошелъ прочь!

— Не пойду.

— Не пойдешь! Ахъ ты болванъ долговязый!

— Что ты браницыся? спросилъ съ досадой Михайло.

— Хочу! отвѣчалъ мальчишкѣ хочу! Вѣдь тебѣ поди-ка будетъ лѣтъ за двадцать, а пришелъ еще азбучкѣ учиться!

— Оставь меня въ покоѣ, нетерпѣливо закричалъ Михайло, или тебѣ худо будетъ.

— Самому тебѣ худо будетъ! У, у, у! Мужикъ съ латынью возится! У! мужикъ, мужикъ!

Досада и грусть сжали сердце Ломоносова. Выведенный изъ терпѣнія, онъ бросился на дерзкаго мальчишку и схватилъ его за волосы. Громко и жалобно завизжалъ забияка. Толпа другихъ школьнниковъ приблизилась.

— Что это! кричали нѣкоторые: большой болванъ обижаетъ маленькаго; поколотимте его! Какъ онъ смѣеть! Поколотимте мужика!

И съ шумомъ бросились на Михайлу, но воспитанный на сѣверномъ воздухѣ юноша, столь же крѣпкій тѣломъ, какъ и душою,

учители, и не прошло года, какъ онъ воротился въ Москву.

Тамъ онъ опять съ прежнимъ рвениемъ принялся за науки, и въ особенности занялся русскимъ языкомъ, совершенно необработаннымъ и неимѣвшимъ тогда ни правилъ, ни законовъ. Въ 1735 году, изъ Петербургской Академіи Наукъ, незадолго передъ тѣмъ основанной по мысли Петра Великаго, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи требованіе о высылкѣ лучшихъ учениковъ въ Петербургъ. Натурально, первый выборъ палъ на Михайлу Ломоносова, который съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть.

Сборовъ большихъ у него не было, а потому онъ былъ готовъ гораздо прежде другихъ товарищѣй, съ нимъ отправлявшихся. Одиночко помолившись еще разъ святымъ угодникамъ московскимъ, онъ сѣлъ въ одну изъ приготовленныхъ телѣгъ и, съ надеждой на Провидѣніе и на собственную твердую волю свою, поѣхалъ по дорогѣ къ столицѣ.

Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ послѣ кончины безсмертнаго основателя его, Императора Петра Великаго; но слѣды мудраго

преобразователя видны были еще на всемъ и во всемъ, хотя Петербургъ былъ еще далеко не таковъ, какимъ мы видимъ его нынѣ. Ломоносовъ на все глядѣлъ съ восторгомъ юношеской души своей, и, можетъ-быть, тогда уже запала въ душу и умъ его искра славной поэмы: *Петръ Великій*, которую онъ написалъ впослѣдствіи.

Окончивъ курсъ въ Гимназіи, находившейся при Академіи, Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другимъ отличнымъ ученикомъ, Виноградовымъ, былъ назначенъ къ отсылкѣ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, къ которымъ тотъ и другой прилагали особое стараніе, а именно въ химіи и горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ еще прежде подружился съ Виноградовымъ, а потому крайне обрадовался, когда узналъ, что имъ назначеноѣ хать вмѣстѣ.

v.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

**DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru**

ОДОБРЕНИЕ г. ПРОФЕССОРА ВОЛЬФА, НА ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ
ПИСАННОЕ.

Молодой человѣкъ преимущественаго остроумія,
Михайло Ломоносовъ, съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ пріѣхалъ, прилежно математическія,
философическія, а особенно физическія лекціи слушаѣть,
и чрезвычайно привязанъ бытъ къ основательному
ученію. Ежели впредь съ такимъ раченіемъ прости-
раться будетъ, то не сомнѣваюсь, чтобы возвратясь въ
Отечество не принесъ пользы; чего сердечно желаю.

Дано въ Марбургѣ 1739 года іюля 20-го дни.

Христіанъ Вольфъ.

Акад. Марбург. Проректоръ.

V.

За граніцей.

Сборы къ отъѣзду заняли на нѣсколько времени друзей. Имъ дали обширную инструкцію, въ которой было сказано, что Академія, отличая необыкновенныя способности и прислужаніе студентовъ Ломоносова и Виноградова, отправляетъ ихъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ математическихъ, въ физикѣ, химіи и metallургіи, къ славному въ ученомъ мірѣ философу и математику Христіану Вольфу; что они отправляются, на счетъ Академіи, на первый случай, въ Марбургъ, мѣстопребываніе помянутаго ученаго; что послѣ изряднаго обученія у Христиана Вольфа ильютъ они ѿхать, по его совѣту, въ другія мѣста Германіи.

За этимъ слѣдовали наставленія касательно поведенія и бережливости: вести себя поря-

дочно; въ проѣздѣ черезъ Россію и иностран-
ные государства вездѣ повиноваться мѣст-
ному начальству; соблюдать уставы религіи
и благонравія; трудиться и заниматься на-
уками сколь возможно прилежнѣе и, наконецъ,
никакъ не издерживать болѣе назначеної
имъ на расходы суммы.

Въ торжественномъ собраніи Академіи бы-
ла вручена молодымъ людямъ эта инструкція,
съ приказаніемъ не медля ѿхать на другой
же день.

И такъ школьническая жизнь Ломоносова
кончилась! Онъ почти уже достигъ цѣли, къ
которой стремился; но, не смотря на то, сколь-
ко горестей, сколько тягостныхъ мученій
долженъ былъ еще претерпѣть.

Ломоносовъ за границей!... Не представ-
ляйте, однажды, его себѣ, какъ рыбака, муш-
ичка, внезапно перенесенного отъ сѣверныхъ
льдовъ къ акуратно-обработаннымъ полямъ
Германіи,—нѣтъ, науки сблизили его уже съ
просвѣщеннымъ міромъ, а профессоры Ака-
деміи, которые почти всѣ были нѣмцы,—съ
Германіей. Ему крайне полюбилась мирная
семейная жизнь нѣмцевъ, языку которыхъ
онъ скоро выучился съ врожденною въ немъ

легкостью; нерѣдко онъ отдыхалъ отъ трудовъ въ кругу добрыхъ бюргеровъ, судилъ съ ними о разныхъ предметахъ, разсказывалъ чудеса про Россію, которымъ простодушные бюргеры, покачивая головами и попивая пиво, почти не вѣрили.

Но чудно началась жизнь Ломоносова, и такъ же чудно должна была продолжаться, пока судьба, всячески испытавъ его, не возвела, наконецъ, на ту степень величія и славы, которую увѣнчался могущественный геній его!...

Такъ точно, какъ онъ находилъ отраду въ бесѣдахъ съ мирными бюргерами, когда умъ его требовалъ отдыха, такъ точно пылкость характера, когда душа и сердце требовали сильныхъ ощущеній, увлекала его въ товарищество и связи съ буйными нѣмецкими студентами. Виноградовъ, болѣе хладнокровный и разсудительный, часто увѣщевалъ Ломоносова, но слова друга только раздражали его.

Виноградовъ и Ломоносовъ жили вмѣстѣ. Они нанимали небольшую квартирку у портного, доброго и честнаго нѣмца, у котораго была одна только дочь, завѣдывавшая небольшимъ хозяйствомъ отца, любившаго ее всею

душою. Ломоносовъ полюбилъ миловидную Христину, и не смотря ни на сопротивленія отца, ни на совѣты друзей, увлеченныи неукротимымъ характеромъ своимъ — женился на ней.

Сначала они жили счастливо, потому что еще незнакомы были съ нуждой. Ломоносовъ, не смотря на предсказанія Виноградова, прилежно ходилъ слушать лекціи, и продолжалъ ревностно заниматься русскимъ языкомъ. Около того времени, онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной русскими войсками подъ Хотиномъ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Извѣстіе это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное. Вдали отъ отечества, между чужестранцами, онъ еще болѣе обрадовался, что родился русскимъ, и въ восторгѣ написалъ оду, изъ которой мы приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Восторгъ внезапный умъ пльнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина, глубокой,
Внимая нѣчто, ключъ, молчитъ,
Который всегда журчить,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;

Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ служъ спѣшить во всѣ концы;
Двлече дымъ въ поляхъ курится.

* * * * *

Шумитъ съ ручьями боръ и доль.
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боятся собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Эзучить во всѣхъ земляхъ трубой:
Коль Росская ужасна сила!

* * * * *

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аниннымъ покровомы
Какія видимъ красоты
При семъ торжествованыи новомъ,
Военныихъ не страшимся бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ.
Народъ гдѣ АННУ прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой лѣстъ,
Пусть свой языкъ, ярись, грызетъ,
То наша радость презираеть.

Казацкихъ полъ за-Днѣстрской тать
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣть ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой настяни.

Безбѣдно ъдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не знать, плывя, препятства.
Красуется велика и малъ;
Жить хотеть вѣкъ, кто въ гробъ желалъ;
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

Пастухъ стада гоняетъ въ дугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Пришедъ, овцъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣспо новую заводить;
Солдатску храбрость хвалить въ ней,
И жизни часть блажить своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спить;
И Ту, что отъ враговъ хранить,
Простымъ усердьемъ прославлять.

Любовь Россіи, страхъ враговъ
Страшы полночной Геронія,
Седьми пространыхъ морь бреговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика АННА, Ты добротъ
Сияешь свѣтомъ и щедротъ,
Прости, что рабъ Твой къ громкой славѣ
Звучить, что крѣпость силъ Твоихъ
Придать дерзнулъ некрасивый стихъ
Подданства въ знакъ Твоей державѣ.

Ода эта была первымъ, истиннымъ стихо-
твореніемъ, правильнымъ и гармоническимъ,

Императрица Екатерина Вторая.

Этот гравюры Валькера, сделанный с портрета Лампи.

доказывающимъ гибкость и величие русского языка!... Ломоносовъ самъ внутренно былъ такъ доволенъ ею, что рѣшился послать ее въ Петербургъ; однакожъ не получилъ оттуда никакого отвѣта, между тѣмъ какъ она была милостиво принятая Императрицей и приводила всѣхъ въ восторгъ. О, еслибы Ломоносовъ могъ узнать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ!...

Между тѣмъ, въ Марбургѣ дѣла его становились день-ото-дня хуже. Господь даровалъ ему дочь, слѣдовательно, увеличились и домашнія заботы. Жестокая бѣдность костлявой рукой своей постучалась къ нему въ дверь. Ломоносовъ и жена его нерѣдко терпѣли голодъ и жесточайшую нужду, и въ то же время долги ихъ увеличивались. Никто не хотѣлъ болѣе имъ вѣрить въ долгъ, и когда русскій студентъ сталъ мало-по-малу продавать вещи свои, то заимодавцы приступили къ нему съ рѣшительными требованиями — и даже угрожали посадить въ тюрьму.

Заимодавцы не ограничились угрозами: однажды, когда Ломоносовъ сидѣлъ за кускомъ черстваго хлѣба, составлявшимъ весь обѣдъ его и семьи, явились кредиторы, въ

сопровождении полицейского чиновника, съ требованіемъ денегъ.

— У меня теперь нѣтъ денегъ, отвѣчалъ Ломоносовъ, съ горестью взглянувъ на рыдающую жену: но подождите еще нѣсколько дней...

— Не хотимъ ждать! закричали въ одинъ голосъ заимодавцы: мы и такъ ужъ давно ждемъ!

— Но я вскорѣ получу изъ Россіи третное жалованье свое, и тогда...

— Знаемъ мы это. Давно уже слышали. Не хотимъ ждать! Подавайте намъ сейчасъ деньги!

— Но гдѣ же мнѣ ихъ взять? вскричалъ съ отчаяніемъ Ломоносовъ.

— Коли негдѣ, такъ въ тюрьму его, закричали заимодавцы.

— Въ тюрьму! повторилъ съ ужасомъ Ломоносовъ: но, ради Бога, подумайте...

— Не хотимъ думать! Въ тюрьму его! Ни просьбы Ломоносова, ни слезы жены, ни плачь малютки, не тронули жестокихъ. Они настоятельно требовали, чтобы русскаго студента посадили въ тюрьму. Полицейскій чиновникъ готовился уже исполнить

обязанность свою, когда вдругъ внезапная мысль сверкнула въ умѣ Ломоносова.

— Постойте! вскричалъ онъ: выслушайте еще одно слово!

— Ну что? говорите скорѣе! отвѣчалъ одинъ изъ кредиторовъ.

— Потерпите только до завтра! просилъ Ломоносовъ.

— Э, вздоръ; завтра будетъ опять та же пѣсня!...

— А что же, въ самомъ дѣлѣ, заступился сжалившійся полицейскій чиновникъ: подождемъ до завтра, можетъ быть и будетъ толькъ. Вѣдь одинъ день не мѣсяцъ, не годъ.

Заемодавцы посовѣтовались между собою, и наконецъ одинъ изъ нихъ, обратившись къ Ломоносову, сказалъ:

— Херь Ломоносовъ, мы беремъ въ соображеніе бѣдственное положеніе вашего семейства и готовы ждать, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы заплатили все сполна—завтра же!

Ломоносовъ не отвѣчалъ. Глаза его были устремлены на одинъ предметъ... онъ о чёмъ-то раздумывалъ.

— Что-жъ вы молчите? Обязываетесь ли вы уплатить намъ завтра?

— Ахъ, Боже мой! да гдѣ же намъ взять...
начала жена Ломоносова, но онъ скоро перебилъ ее:

— Да, да, господа! Завтра... завтра...

— Ну, такъ до свиданія, хорѣ Ломоносовъ,
и не сердитесь на насъ. Право, обстоятельства
вынуждаютъ насъ къ такому поступку.
Времена плохія! Впрочемъ, расплатитесь
завтра, и мы опять готовы вѣрить вамъ...

— Да, да завтра... завтра... разсѣянно повторилъ Ломоносовъ, провожая заимодавцевъ.

Затворивъ за ними дверь, онъ воротился
къ женѣ, крѣпко обнялъ ее, поцѣловалъ ма-
лютку-дочь и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Христина, не мѣшай мнѣ до вечера—я
буду заниматься въ кабинетѣ своеемъ; только
вечеромъ приди проститься со мною... я,
можетъ быть, проработаю всю ночь... и
принеси съ собою малютку нашу, я поцѣлую
ее... авось мнѣ не такъ тяжка будетъ...
работа... слышишь?... Послѣднія слова произ-
несъ Ломоносовъ задыхавшимся голосомъ, и
скоро ушелъ въ кабинетъ свой.

Онъ проработалъ до глубокой ночи. Жена
не замедлила принести ему малютку, и
сама хотѣла просидѣть съ нимъ, но Ломо-
носовъ упросилъ ее лечь. Онъ долго, долго

цѣловалъ жену и дочь, благословилъ ихъ по русскому обычаю, и, глубоко вздохнувъ, опять принялъся за дѣло... за какое же дѣло? Чѣмъ занимался въ это время Ломоносовъ? Онъ укладывалъ всѣ книги и бумаги свои въ порядокъ, писалъ письма и дѣлалъ кой-какія замѣтки. Но вотъ онъ кончилъ...

Всѣ спали въ домѣ, а можетъ-быть, и въ цѣломъ Марбургѣ; только въ окнѣ русскаго студента, сквозь неплотно закрывавшіяся ставни, свѣтился огонь.

Ломоносовъ всталъ, усердно помолился икона, взялъ со стола письма, снялъ съ шеи крестъ, которымъ нѣкогда благословила его мать и съ которымъ онъ никогда не разлучался, и пошелъ къ комнатѣ, гдѣ спали жена и дочь его сномъ невинности.

Молча смотрѣлъ Ломоносовъ на милыхъ сердцу, и горячія слезы текли по щекамъ его... онъ поцѣловалъ жену, потомъ подошелъ къ малюткѣ... худо сплоченные доски заскрипѣли подъ ногами его... малютка зашевелилась и, какъ-бы во снѣ, протянула къ отцу ручонки... твердость стала покидать его, слезы струились изъ глазъ—онъ всячески старался удержать всхлипыванія... но малютка успокоилась и опять погрузилась въ бо-

мятежный сонъ. Ломоносовъ осторожно надѣлъ на нее крестъ свой, положилъ на столъ приготовленныя имъ письма, еще разъ взглянуль на близкихъ сердцу его, благословилъ ихъ, и такъ же осторожно вышелъ изъ спальни, какъ вошелъ въ нее. Въ передней онъ накинулъ старый изношенный плащъ свой, надѣлъ фуражку и, еще разъ глубоко вздохнувъ, вышелъ на улицу.

Знаете ли, какая была цѣль его?... Бѣжать изъ Марбурга въ Россію!...

И вотъ Ломоносовъ второй разъ бѣжитъ отъ родныхъ, бѣжитъ изъ дому, который называлъ своимъ!...

Но второе бѣгство его было тягостнѣе первого. Тогда его подкрѣпляла вѣра въ способности, дарованныя ему Господомъ, и онъ бѣжалъ, чтобы удовлетворить тому желанію, той страсти къ ученію, которая мучила его, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя!... Теперь онъ долженъ былъ укрыватьсь, какъ преступникъ, отъ преслѣдований жестокихъ заимодавцевъ, которые грозили ему заточеніемъ... теперь онъ оставлялъ безъ защиты и покровительства, въ величайшей нищетѣ, жену и дочь!...

VI.

СОЛДАТЬ.

ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА.

ОДА.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26.

Господь спаситель ми^й и свѣтъ;
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ;
Кого я устрешуся?

Хоть полкъ противъ меня возстань,
Но я не ужасаюсь:
Пускай враги воздвигнутъ брань;
На Бога полагаюсь.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ Его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю!
И сохрани на всякой чашѣ;
Къ тебѣ я прибѣгаю!

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ,
И даль жить въ благоденствѣ.

VI.

С о л д а тъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ нѣмецкаго города Дюссельдорфа, на берегу Рейна, находилась небольшая, но чистенькая корчма. Передъ нею, подъ небольшимъ дощатымъ навѣсомъ, столбы котораго были увиты хмѣлемъ, за большимъ столомъ, на скамьяхъ, выкрашенныхъ свѣтло-зеленою краскою, сидѣлонѣсколько человѣкъ солдатъ, громко бесѣдовавшихъ.

Хозяинъ, въ желтой нанковой курткѣ, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, передникомъ, въ полосатомъ колпакѣ, услуживалъ гостямъ, не выпуская изо рта коротенькой трубочки, и, когда въ немъ не было нужды, возвращался въ уголокъ, къ маленькому столику, на которомъ стояла большая, тяжеловѣсная оловянная кружка съ пивомъ, которое хозяинъ съ наслажденiemъ потягивалъ.

По тропинкѣ, ведшей изъ лѣсу къ корчмѣ,

шелъ въ то время мужчина лѣтъ тридцати. На немъ былъ изорванный, старый плащъ; фуражка была надвинута на глаза. Медленно, какъ бы истомленный продолжительной ходьбою, подвигался онъ впередъ, упираясь на толстую, суковатую палку. Съ осторожностью и боязнью осматривался онъ по сторонамъ и, замѣтивъ солдатъ, сидѣвшихъ у корчмы, остановился въ нерѣшимости. Но усталость и, можетъ-быть, голодъ взяли верхъ надъ страхомъ; онъ прямо пошелъ къ корчмѣ и въ изнеможеніи упалъ на скамью.

Хозяинъ, замѣтивъ пришельца, глотнулъ пива, утеръ ротъ широкою ладонью и подошелъ къ путнику.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ, осмотрѣвъ бѣдняка съ ногъ до головы.

Путникъ у котораго отъ изнеможенія закрылись глаза, на минуту открылъ ихъ и, посмотрѣвъ на хозяина, отвѣчалъ слабымъ голосомъ:

— Ничего!

— Wie so? — спросилъ протяжно хозяинъ, непривыкшій къ подобнымъ отвѣтамъ: ничего?

— Да... то есть... извините... продолжалъ бѣднякъ съ робостью: я хотѣлъ просить васъ... дайте мнѣ кусокъ хлѣба... хоть черстваго!...

Хозяинъ поморщился, почесалъ сперва лобъ, потомъ красный носъ свой и, осмотрѣвъ еще разъ бѣдняка съ ногъ до головы, позвалъ служанку и велѣлъ ей принести бѣдняку кусокъ хлѣба, варенаго картофелю и стаканъ вина, только того, что похуже. Нѣмцы и въ благотворительности разсчетливы!

Путникъ не имѣлъ даже силъ благодарить хозяина; но когда служанка исполнила приказаніе послѣдняго, то бѣднякъ съ жадностью бросился на то, что подали.

Между тѣмъ солдаты подозвали къ себѣ хозяина.

— Что это за человѣкъ? спросилъ вахмистръ, поглаживая подбородокъ и показывая на путника.

— А Богъ его знаетъ! Видно странствующій ремесленникъ какой-нибудь, а можетъ, и бродяга. Кто ихъ распознаетъ!

— Что онъ не бродяга, это я вижу по лицу его, продолжалъ вахмистръ: я довольно насмотрѣлся на людей, и сразу узнаю, кто какая птица!

— А вѣдь бравый молодецъ! сказалъ одинъ изъ солдатъ, смотря на путника, съ жадностью доѣдавшаго картофель.

— Что за молодецъ? замѣтилъ хозяинъ, поглаживая выпуклый животъ свой: виши какой тощій!

Солдаты засмѣялись, а между тѣмъ вахмистръ, наливъ полный стаканъ вина, всталъ съ мѣста своего, пошелъ къ путнику и, слегка ударивъ его по плечу, подалъ ему стаканъ съ виномъ и спросилъ.

— А что, камрадъ, не хочешь ли винца?

Бѣднякъ вздрогнулъ, посмотрѣль на военнааго съ робостью, но, замѣтивъ ласковое выраженіе лица его, успокоился и отвѣчалъ:

— Благодарю. За угощеніе я смолоду привыкъ отплачивать угощеніемъ. А теперь мнѣ нечѣмъ будетъ отблагодарить васъ.

— Э, полно! Пей на здоровье! Ты усталъ; это подкрепить тебя.

Бѣднякъ съ удовольствіемъ выпилъ вино.

— Вотъ такъ! продолжалъ вахмистръ. Что, хорошо? То-то и есть! А ты видно издалека?

— Изъ Марбурга, отвѣчалъ необдуманно путникъ, и какъ бы раскаялся въ опрометчивости своей.

— Ого! порядочно! И все пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Значить, ты мастеръ ходить! Впрочемъ и не удивительно: парень ты видный и здоровый!... говорилъ вахмистръ: а позволь еще спросить, какимъ ремесломъ занимаешься?

— Я студентъ.

— То есть ученый?

— Учащійся.

— Это все равно! важно отвѣчалъ вахмистръ; потомъ, покачавъ головой, продолжалъ: охота тебѣ, молодцу такому, съ глупыми книгами возиться! Ну что въ нихъ толку? Бредни, да болтовня пустая! То ли дѣло наша жизнь, солдатская, привольная молодецкая!

— Именно, именно! воскликнули солдаты, постепенно перешедшіе къ тому столу, гдѣ сидѣлъ путникъ.

— Мы у Короля первые любимцы; только и заботы, чтобъ угодить ему, а потомъ погулять да попить!... Эхъ, чудная жизнь! Эй, хозяинъ! еще бутылку сюда, да, смотри, хорошаго! А не то, вѣдь ты меня знаешь... я шутить не люблю!

Вино было подано, и вахмистръ вмѣстѣ съ солдатами просили путника пить съ ними. Онъ не отказывался.

— Да, продолжалъ вахмистръ: жизнь наша самая счастливая! Король—отецъ, кормить и одѣваетъ насть! Тужить не о чемъ; особенно нынѣшній Король; ему служить и выгодно, и почетно!... Эй, ребята! выпьемъ за здравіе Его Королевскаго Величества Фридриха III!

— За здравіе! повторили солдаты.

— За здравіе! повторилъ и путникъ, на котораго сильно дѣйствовало вино, выпитое въ большомъ количествѣ и почти натощакъ. Къ тому присовокупилась и усталость. Глаза его смыкались, онъ пробормоталъ еще нѣсколько несвязныхъ словъ, руки его повисли по обѣимъ сторонамъ стула, голова опустилась на грудь и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ...

Замѣтивъ это, хозяинъ наклонился къ вахмистру и сказалъ, смѣясь:

— Ну! этотъ вамъ не дорого стоилъ, вы его какъ разъ сшибли!...

— А тебѣ досадно, что мало вина выпили, толстая пивная бочка! отвѣчалъ вахмистръ.

— Что вы все бранитесь, господинъ вахмистръ? вскрикнулъ хозяинъ: ничего мнѣ не жаль, потому что вѣдь это не въ первый разъ. Побываете еще!

— Полн разговаривать по-пустому, сказаъ вахмистръ, обратившись къ солдатамъ: принимайтесь за дѣло! Нечего время терять.

— Ага, попался, пріятель! говорили, смеясь, солдаты. Они были вербовщики, которые иногда угрозами, иногда ласками, а болѣею частію обманомъ овладѣвали молодыми людьми и забирали ихъ въ солдаты. То же сдѣлали они съ бѣднымъ путникомъ - студентомъ. Пользуясь сномъ его, они нашли ему на кафтанъ красный воротникъ и сунули въ карманъ горсть денегъ, а потомъ бережно снесли въ одну изъ комнатъ корчмы.

Долго и крѣпко спалъ утомленный бѣднякъ; только на слѣдующее утро разбудилъ его вахмистръ.

— Вставай, камрадъ, вставай! пора въ дорогу! говорилъ онъ.

— Въ дорогу! Куда? спросилъ путникъ, протирая глаза.

— Куда? Не твое дѣло! Про то знать начальство, отвѣчалъ вахмистръ.

— Какое начальство?

— Что? ты не знаешь начальства? А вотъ какъ я тебя проучу хорошенько такъ

и будешь знать! — И вахмистръ замахнулся на него палкой.

Студентъ скоро вскочилъ, и только тогда замѣтилъ, что ему нашли красный воротникъ. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на вахмистра и на окружавшихъ его солдатъ, которые, посмѣшиваясь, перешептывались между собою.

— Ты, видно, еще не проспался, продолжалъ вахмистръ, опустивъ палку; такъ я прощаю тебѣ; а то, братъ, наша солдатская служба не игрушка; потерпишь и холодъ и нужду, а не смѣй пикнуть! Слышишь, мы шутить не любимъ, ты у насъ смотри въ оба! Ступай же, стройся въ рядъ съ товарищами.

— Съ какими товарищами?

— Съ рекрутами, которые, можетъ быть, со временемъ, будутъ славными прусскими солдатами.

— Съ чего вы взяли, что я вамъ товарищъ? что я рекрутъ? спросилъ съ изумленіемъ студентъ.

— А съ того, что ты вчера завербовался и пиль за здоровье нашего Короля, отвѣчалъ вахмистръ.

Императрица Екатерина II и Ломоносова

— Такъ за рюмку вина вы хотите сдѣлать меня прусскимъ солдатомъ? Никогда! вскричалъ съ негодованіемъ студентъ: вы хотите овладѣть мною низкимъ поступкомъ, но это вамъ не удастся, потому что я русскій, меня зовутъ Ломоносовымъ!... Если моя Государыня потребуетъ жизни моей, то я готовъ пролить за нее послѣднюю каплю крови; но служить чужому королю не намѣренъ!...

— Ого! да у него еще вчерашній хмѣль въ головѣ бродитъ! сказалъ, грубо засмѣявшись, вахмистръ: мы, братъ, дурь-то выколотимъ изъ тебя... держите его!

Двое солдатъ схватили Ломоносова за руки... вахмистръ замахнулся, но не билъ еще, а спросилъ:

— Будешь ли служить вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?

Ломоносовъ видѣлъ, что сопротивленіе испортить все сдѣло, и что, слѣдовательно, надо было покориться глупой необходимости; но тутъ же онъ твердо рѣшился избавиться отъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ. Бѣдный Ломоносовъ! неужели ему суждено

остаться на всю жизнь прусскимъ солдатомъ? Неужели для того провелъ онъ пятнадцать лѣтъ за книгами, въ области наукъ и фантазіи, чтобы находиться подъ палкой какого-нибудь грубаго вахмистра?

Нѣтъ! судьба или, вѣрнѣе, Провидѣніе, которое такъ милостиво берегло его на славу Россіи, и въ этотъ разъ спасло его. Никто, какъ само Провидѣніе берегло его, потому что, представьте себѣ, легко ли уйти изъ крѣпости, окруженнай высокою стѣною, валомъ и глубокими рвами, гдѣ за рекрутами строго присматривали, гдѣ на каждомъ шагу стояли часовые? Ломоносовъ побѣдилъ всѣ эти препятствія...

Однажды вечеромъ онъ легъ спать ранѣе другихъ; проснувшись въ полночь и замѣтивъ, что всѣ еще спали крѣпкимъ сномъ, онъ вылѣзъ, какъ можно осторожнѣе, въ окно, находившееся близъ постели его; пользуясь ночью темнотою, перелѣзъ онъ черезъ стѣны и валъ, переплылъ ровъ! Тамъ сорвалъ онъ ненавистный красный воротникъ и, не имѣя копѣйки денегъ, пустился бѣжать по дорогѣ въ Голландію, откуда съ помощью русскаго посланника, надѣялся переправиться въ Россію.

...На бѣдномъ бѣглецѣ не было сухой нитки; онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; но, боясь быть пойманнымъ, не могъ остановиться ни на минуту. Стало свѣтать. Вдругъ изъ крѣпости послышался пушечный выстрѣлъ—обыкновенный сигналъ погониза уѣжавшимъ рекрутамъ.

Ломоносовъ пустился бѣжать еще скорѣе, и безпрестанно оглядывался... завидѣлъ вдали всадника, гнавшагося за нимъ во весь опоръ... Ноги его подкосились...

— Господи, спаси и помилуй! проговорилъ Ломоносовъ, перекрестился и, собравъ послѣднія силы, ускорилъ бѣгъ свой...

Но всадникъ догонялъ его... Ломоносовъ слышалъ уже ровный стукъ копытъ лошади... до него доходили крики догонявшаго... какъ вдругъ глазамъ его представился неширокій ровъ и столбъ... Ломоносовъ спасенъ!...

Онъ за границей!...

Скрывшись за кустарникомъ, Ломоносовъ теплой молитвой поблагодарилъ Всевышняго, потомъ раздѣлся, сталъ сушить мокре платье, и проспалъ до полудня спокойно.

Но далеко было еще до Амстердама, а потому Ломоносовъ,—человѣкъ, которыемъ впо-

слѣдствіи восхищалась вся Россія, ученый, словомъ, геній какіе рѣдко являются на землѣ — протягивалъ руку, прося милостынью!

Странная судьба великаго человѣка!

Такимъ образомъ дошелъ онъ наконецъ до Амстердама, и оттуда переплылъ на купеческомъ кораблѣ въ Петербургъ!... Вскорѣ вступилъ онъ на родную, на русскую землю... свѣтло сіяло на голубомъ небѣ солнце, весело струилась чудная Нева; всѣ лица, которыя я встрѣчалъ Ломоносовъ, казались ему родными, знакомыми, возлѣ вѣры, никогда не покидавшей сердца его, проскользнуль свѣтлый лучъ надежды!...

VII.

C J A B A.

ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА.

О Д А

на новый 1764 годъ Государынъ Императрицъ
Екатеринъ II.

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня радость и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой править поручаю
Послушницѣ твоей судьбѣ;
И можно ль, чтобы наши лѣта
Россійскаго отрадѣ свѣта
Не уподобились тебѣ?

• • • • • • • • • • •

Украсить тыщась лицо земное,
Ночную сокращаетъ тѣнь;
Она о подданныхъ покой
Печется ночь вмѣня въ день..
Россіянинъ народъ послушной!
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
Въ трудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

VII.

С л а в а.

Кончилась страдальческая жизнь Ломоносова! Возсіяло и надъ нимъ солнце радости!...

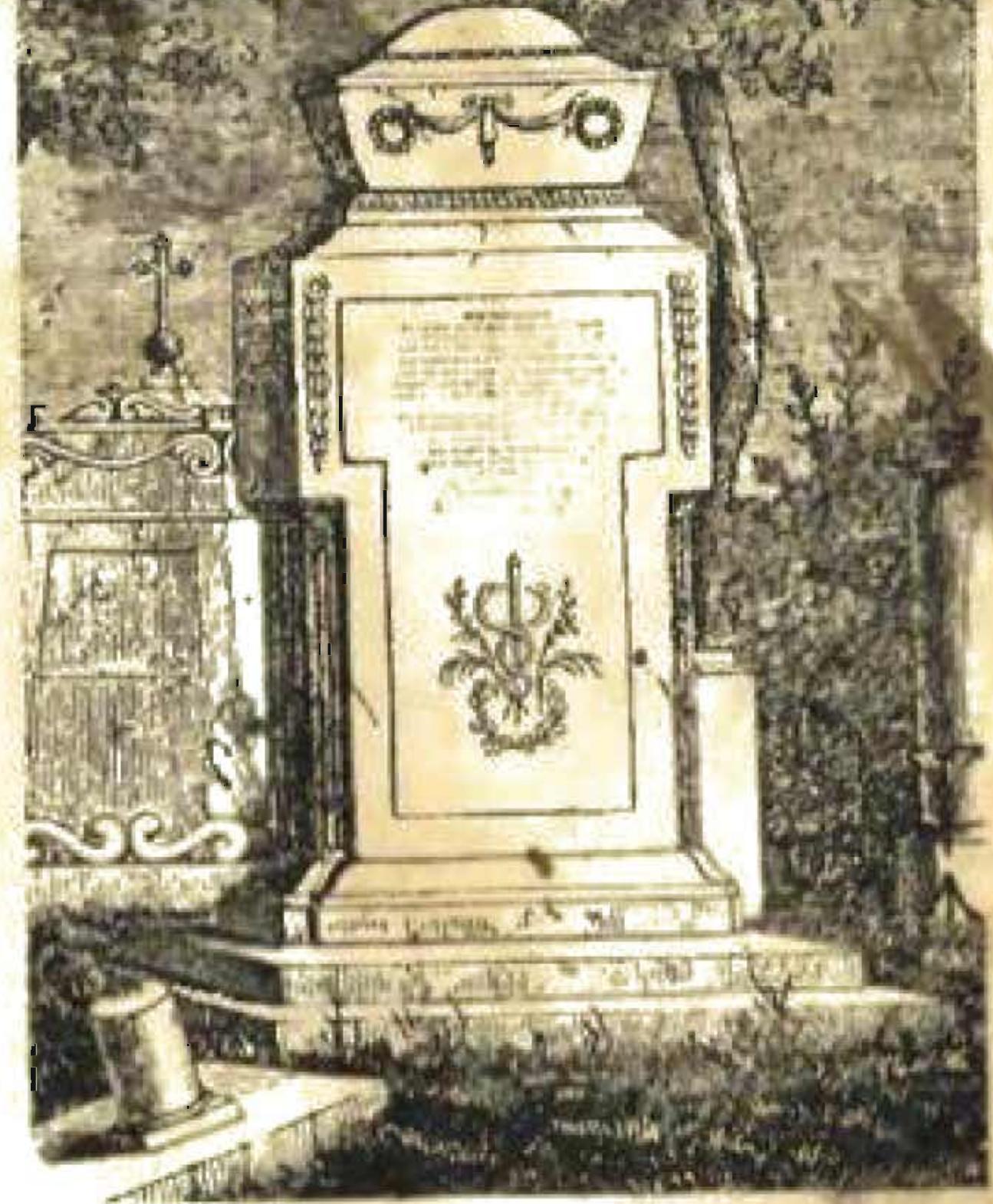
Въ Петербургъ умъ и геній Ломоносова были оцѣнены. Онъ нашелъ себѣ покровителей, не только между вельможами, но и Августѣйшая Фамилія осыпала его милостями и щедротами своими. Онъ получилъ мѣсто при Академіи, и вскорѣ прїѣхала къ нему въ Петербургъ добрая жена и маленькая дочь его. Свиданіе было самое трогательное. Прежде того еще Ломоносовъ собирался ѻхать въ Холмогоры, чтобы повидаться съ отцомъ и обрадовать его успѣхами своими; но Академія, задавъ ему ученое сочиненіе по предмету его, не отпустила, а впослѣдствіи Ломоносовъ узналъ, что отецъ его погибъ на одномъ изъ рыбныхъ промысловъ и былъ выброшенъ бурею на тотъ самый

островъ, на которомъ Михайло нѣкогда прове-
ночъ, любуясь бурею. Горесть сына о потеѣ
отца была неописанна, и въ однихъ зан-
тіяхъ онъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе.

Ломоносовъ трудился неусыпно, и слава
его распространилась не только по всей
Россіи, но и въ иностранныхъ государствахъ;
онъ былъ принятъ въ члены разныхъ загра-
ничныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ
Академіи Стокгольмской и Болоньской.

Но величайшю изъ всѣхъ наградъ было
для него посѣщеніе Императрицы Екатерины
II! Премудрая Государыня поняла гения, про-
славлявшаго огромную имперію ея, и неожи-
данно прѣѣхала къ нему съ И. И. Шуваловымъ —
ревностнѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ по-
кровителей Ломоносова.

Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ же-
нѣ и дочери его, Императрица пожелала ви-
дѣть ученыя занятія Ломоносова, который, поза-
бывъ присутствіе великой Государыни, видѣлъ
въ Ней только геніальную женщину, и былъ отъ
того еще краснорѣчиѳе, говорилъ еще увлека-
тельнѣе. Въ восторгѣ и умиленіи сердца, онъ
тутъ же написалъ стихи. Императрица милости-
во приняла благодарность Ломоносова, выра-

Надгробный памятникъ Ломоносову, въ Петербургѣ,
на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

зившуюся въ этихъ стихахъ, и пожелала, чтобы онъ самъ прочель ихъ вслухъ.

Ломоносовъ немедленно исполнилъ желаніе высокой посѣтительницы; преклонилъ колѣна, поцѣловалъ руку ся, и съ чувствомъ и жаромъ прочель слѣдующее:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому ПЕТРУ во слѣдъ, ЕКАТЕРИНА
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугублять звужъ.
Коль счастлие, что могу быть въ вѣчности сви-
дѣтель,

Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

Какъ ни славна была жизнь Ломоносова, но наступилъ тотъ часъ, который наступаетъ равно для богатаго и бѣднаго, умнаго и глупаго... Отъ смертнаго одра Ломоносова не отходила жена, дочь его и... Виноградовъ!.. первый другъ Ломоносова, какъ бы нарочно возвратившійся изъ-за краевъ Сибири, куда онъ ъездилъ за учеными изслѣдованіями... Великолѣпные экипажи безпрестанно останавливались у подъѣзда дома, въ которомъ онъ жилъ,

и сама Императрица каждый день осведомлялась о состоянии больного.

Но неумолимая смерть приближалась да приближалась и безжалостно протягивала къ больному костлявую руку свою... Наконецъ 4-го Апрѣля 1765 года, на четвертый день Пасхи, Ломоносовъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ жену, благословилъ дочь и пожалъ руку другу... душа его отлетѣла въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни заботы!...

Тѣло Михаила Ломоносова погребено въ Петербургѣ, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣвой рукѣ при входѣ въ монастырь.

На гробѣ его поставленъ мраморный столбъ съ русскою и латинскою надписями. Вотъ русская:

ВЪ ПАМЯТЬ
славному мужу
МИХАИЛУ
ЛОМОНОСОВУ,
родившемуся въ Холмогорахъ въ 1711 году,
бывшему
СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,
ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
профессору,

СТОКГОЛЬМСКОЙ и ВОЛОНЬСКОЙ
АКАДЕМИЙ ЧЛЕНУ,

Разумомъ и науками превосходному, знатнымъ укра-
шениемъ Отечеству служившему;
КРАСНОРЪЧИЯ, СТИХОТВОРСТВА

и

ИСТОРИИ РОССІЙСКОЙ
УЧИТЕЛЮ,

Мусін первому въ Россіи безъ руководства
ИЗОБРѢТАТЕЛЮ,

преждсвременною смертю отъ Музъ и Отечества на
дняхъ святыя Пасхи 1765 года

ПОЖИЩЕННОМУ,

воздвигъ сюо гробницу

ГРАФЪ

МИХАЙЛО ВОРОНЦОВЪ,

славя Отечество съ таковыми гражданиномъ, и горестно
соболѣзнуя о его кончинѣ.

Если вы когда-нибудь, друзья мои, постытите
сь родителями вашими Александро-Невскую
лавру, то не забудьте остановиться у памят-
ника изъ бѣлаго мрамора и поклониться праху
великаго человѣка...

VIII.

Т Р У Д Ы.

За иѣсколько дній предъ своею кончиною, Ломоносовъ говорилъ господину Совѣтнику Штелину:

«Другъ мой! Я приыѣчаю, что мнѣ скоро умереть; на смерть взираю равнодушно; но сожалѣю только о томъ, что не успѣль довершить, чтѣ началь для пользы отечества, для славы науки и для чести Академіи. Къ сожалѣнію, вижу теперь, что благія намѣренія мон исчезнуть вмѣстѣ со мною.»

Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ.

С.-Петербургъ, 1772 года.

VIII.

Труды.

Другъ дѣйствій Ломоносова былъ такъ обширенъ, что трудно понять, какъ у одного человѣка достало силь душевныхъ и физическихъ для выполненія всего того, что дѣлалъ и сдѣлалъ Ломоносовъ—но за то онъ былъ геній!

Его занимали химія и поэзія, металлургія и словесность, физика и краснорѣчіе; древности Греціи, Рима, исторія и искусства! Будучи профессоромъ и членомъ Академіи, онъ читалъ лекціи и разсужденія о разныхъ ученыхъ предметахъ.

Изъ рѣчей, читанныхъ имъ, самая лучшая: *Похвальное Слово Петру Великому*; между огромнымъ множествомъ стихотвореній, писанныхъ, большую частью, по заказу, лучшія тѣ, которыя Ломоносовъ писалъ отъ души, по

внутреннему призванию. Между последними особенно замечательна поэма: *Петръ Великій*. Онъ не рѣдко писалъ въ стихахъ и объ ученыхъ предметахъ. Сверхъ стихотвореній, которыя Ломоносовъ считалъ отдыхомъ послѣ тяжкихъ ученыхъ трудовъ, онъ написалъ еще: *Руководство къ краснорѣчію*, *Россійскую Грамматику*, *Краткій Россійскій Лѣтописецъ*, *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*, *Металлургію* и мног. друг.

Кромѣ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій у Ломоносова было еще, одно любимое, задушевное, относящееся къ искусствамъ занятіе, и именно: *Мозаика*.

Мозаическии картинами называются такие, въ которыхъ краски замѣняются мелкими разноцвѣтными стекльшками, съ искусствомъ и вкусомъ расположеными.

Въ нашей Петербургской Эрмитажной галлереѣ есть нѣсколько такихъ картинъ: между ними особенно замечательна одна, скопированная съ знаменитой картины фланандскаго живописца Поль-Поттера, известная подъ названіемъ: *Корова*. Эта мозаическая картина совершенство въ своемъ родѣ.

Ломоносовъ случайно увидѣлъ у одного изъ

Памятникъ М. В. Ломоносову.

въ Архангельскѣ.

вельможь, а именно Графа Воронцова, такую мозаическую картину, и предпріимчивый духъ его не прежде успокоился, пока ему самому не удалось добиться до того, что одинъ, безъ всякой помощи, сдѣлалъ нѣсколько мозаическихъ образчиковъ, которые были представлены Императрицѣ. Ломоносовъ получилъ привилегію на производство мозаическихъ картинъ, завелъ фабрику, и между тѣмъ дома собственно ручно занимался огромной картиной, представлявшей Полтавскую битву и назначавшейся въ Петропавловскій соборъ.

Таковы были занятія безсмертнаго Ломоносова—таково могущество всеобъемлющаго генія!

КОНЕЦЪ.

Торговля основана въ 1878 году.

— 20 —
КИГОПРОДАВЕЦЪ ИЗДАТЕЛЬ

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ МАРТЫНОВЪ.

Издатель собраний сочинений русскихъ авторовъ:

Аксакова, С. Т., Григоровича, д. в., Мая, Л. А.,
Островского, А. Н., Пашасва, И. И., Фурмана, П. Р.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 46.

О книгахъ для наградъ ученикамъ.

Большая часть моихъ изданий сочинений русскихъ авторовъ и другихъ полезныхъ книгъ одобрена Учеными Комитетами разныхъ Министерствъ и включена въ Нормальные Каталоги.

Издания мои весьма удобны для выдачи въ награды ученикамъ при переходѣ изъ класса въ классъ или при окончаніи курса; для этой цѣли мною заготовлены изящные перешлыты.

Предлагаю вниманію Гг. Преподавателей прилагаемый при семъ списокъ книгъ, внесенныхъ въ Нормальные Каталоги съ обозначеніемъ №№, подъ которыми онѣ помѣщены какъ для удобства при выборѣ, такъ равно и для проверки моего заявленія; равно предлагаю прочесть и некоторые изъ отношеній, присланныхъ мною Министерствомъ Народного Просвѣщенія съ одобреніями.

Въ виду того, что суммы, отпускаемые на наградные книги, теперь значительно уменьшены, я раздѣлилъ мои издания сочинений русскихъ авторовъ на отдѣльные томы и даже сочиненія, для того, чтобы составился подборъ подарковъ на различные цѣны.

Кромѣ моихъ изданий я имѣю вообще хороший подборъ книгъ разныхъ издателей и въ особенности русскихъ авторовъ, могу выслать каталогъ немедленно и выполнить заказъ скоро.

Учебнымъ Заведеніямъ, высылающимъ деньги впередъ, при требованіи, Магазинъ дѣлаетъ уступку 10% (кромѣ переплетовъ). — Пересылка насчетъ училища.

Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ.

Отъ Министерства Народного Просвещенія.

Отношеніе отъ 19 Ноября 1886 г. за № 16941.

Департаментъ Народн. Пр. увѣдомляетъ Вась, М. Г., что опредѣленіями основнаго и особаго отдѣловъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. утвержденными, Г. Товар. Министра постановлено:

1. Семейную Хронику и воспоминанія С. Т. Аксакова,—одобрить для ученическихъ бабл. среднихъ въ учительскія библіотеки низшихъ учебн. заведеній.

2. Аленький Цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова,— одобрить для ученическ. библ. Народныхъ Училищъ.

3. Сочиненія П. Р. Фурмана.—а. Саардамскій Плотникъ. б. Ал. Дацъ. Меншиковъ,— одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебн. заведеній мужскихъ и женскихъ, о чмъ напечатано въ журналѣ Министерства.

Отношеніе отъ 27 Июня 1889 г. № 11128.

Департ. Н. Пр. увѣдомляетъ, что опредѣл. особаго отд. Ученаго Комитета М. Н. Пр. постановлено сочин. П. Р. Фурмана:

1. Григорій Александр. Потемкинъ. 2. Князь Яковъ Оед. Долгоруковъ. 3. Александръ Васильевъ. Суворовъ-Рыминскій,—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ завед.

Отношеніе отъ 27 Ноября 1890 г.

Особый Отдѣль Уч. К. разсмотрѣлъ книгу П. Р. Фурмана; Близкій бояринъ Артемонъ Сергеевичъ Матвеевъ, включая въ каталогъ книгу, допущенную въ ученическія библ. низшихъ училищъ.

Отношеніе отъ 17 Сентября 1882 г. за № 1063.

Особый Отдѣль Учен. К. разсмотрѣлъ книгу.—О нашихъ перелетныхъ птицахъ, соч. профессора Кайгородова, чтеніе для народа,— призналъ названную книгу заслуживающе одобренія для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для народныхъ публичныхъ чтеній.

Отношеніе отъ 16 Августа 1885 г. за № 12450.

Особый Отдѣль Уч. К. разсмотрѣлъ книгу подъ заглавіемъ „О вѣтѣ, составилъ народный учитель О. Тисто“, призналъ возможнымъ допустить описанную книгу въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

Отношеніе отъ 15 Октября 1891 г. за № 17507.

Особый Отдѣль Уч. Ком. постановилъ соч. Фурмана: Наталии Борисовна Долгорукова.—Петръ Ждановъ,— одобр. для ученическихъ библіотекъ,—низшихъ к среднимъ учебныхъ заведеній.

Отъ Комитета Грамотности.

Отношеніе отъ 19 Февраля 1890 г. за № 56.

Представленіе Комитета Грамотности о присужденіи большой золотой медали имени А. Ф. Погоссаго Дмитрю Васильевичу Григоровичу за его святочный разсказъ „Прехожій“; единогласно утверждено Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ собраніи 15 Февраля 1890 года.

Что читать народу.

Критический указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. (Составленъ учительницами Воскресныхъ школъ). Т. 1-й, 2-е изд. 1888 г. Ц. 2 р. Т. 2-й. 1889. Ц. 2 р.

Саардамскій плотникъ,—и Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Заглавія названныхъ выше повѣстей Фурмана ничего не говорятъ теперешнимъ дѣтямъ и юношеству: они для нихъ просто названія вновь появившихъ книги. Но сколько хорошихъ воспоминаній изъ далекаго дѣтства соединено съ этими именами у людей не молодыхъ. Повѣстей Фурмана около 30 лѣтъ почти небыло въ продажѣ; немудрено поэтому, что къ нимъ относится, какъ къ новинкѣ, но при просмотрѣ тотчасъ, замѣчается, что онъ наслѣдіе доброго старого времени, когда книги какого бы то ни было содержанія непремѣнно должны были заключать правоучительныя страницы, обращенія къ мѣлкимъ дѣтямъ. Относясь къ повѣстямъ Фурмана съ требованіемъ нашего времени, и теперь по сравненію ихъ съ большою частію историческихъ поэстей, фабрикуемыхъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, придется за ними оставить иль прежнее почетное мѣсто. Въ народной библиотекѣ «Саардамскій плотникъ» будетъ одною изъ любимыхъ книгъ. Живое интересное описание жизни Царя-Плотника среди голландскихъ рабочихъ заставляетъ простить въ некоторую насыщенность, въ изображеніи отдельныхъ фігуръ въ сценѣ. Біографія Меншикова отличается тѣмъ же достоинствами. Безобразныя картинки старого изданія замѣнены гравюрами-снимками съ старинныхъ гравюръ. Обѣ книги желательны въ народной библиотекѣ.

Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ историческая повѣсть Фурмана занимали видное мѣсто въ дѣтской литературѣ. „Меншиковъ“, „Ближний бояринъ Матвѣевъ“, „Саардамскій Плотникъ“ читались съ наслажденіемъ и не въ одной дѣтской душѣ впервые пробудили любовь къ историческому чтенію.

По содержанію своему, описываемымъ историческимъ событиямъ и лицамъ повѣсть Фурмана «Наталья Борисовна Долгорукова» совершенно сходна съ очеркомъ Толычевой. Благодаря формѣ своей (повѣсть) и простотѣ изложеній, читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ названный очеркъ Толычевой.

Князь Яновъ Федоровичъ Долгоруковъ.

Это не только биографія зенитичаго, самостоятельнаго сподвижника царя-преобразователя, но и вѣрнѣ—очеркъ того времени, иль которое онъ жилъ. Такъ, находимъ мы описание появленія первыхъ газетъ-курантовъ, „посредствомъ которыхъ русскія недѣлмози и самъ царь слѣдилъ за ходомъ европейскихъ дѣлъ“, далѣе—учрежденіе почты. Въ числѣ другихъ подробностей авторъ говоритъ о цѣнахъ, взимавшихся тогда за письма; тогдашнія цѣны приведены иль алтынахъ въ деньгахъ. Вредъ, нелѣбѣсть мѣстничества и церемонія сожженія разрядныхъ книгъ описаны очень живо, также какъ и характеристика Долгорукаго, наиболѣе цѣнною царемъ соѣтника и въ тоже время верѣдко послушника его воли, когда приказанія Петра казались ему противорѣчашими интересамъ государства. «Царю правда—лучшій слуга», говорилъ Долгоруковъ и всегда поступалъ по этимъ словамъ, ивогда съ опасностью жизни для себя, такъ какъ вспыльчивый Петръ не терпѣлъ противорѣчій. Приведены характерные приклады «ослушаній» Долгорукова и письмо его къ царю, иль которымъ онъ просить за своихъ родственниковъ, осужденныхъ по дѣлу царевича Алексія. Въ послѣдней части книги рядомъ съ Долгоруковымъ рельефно выдѣляется и образъ Петра.

Книгу эту слѣдуетъ давать читателямъ, знакомымъ уже съ Петромъ и его временемъ. Читается она и передается прекрасно и школьниками, и несомнѣнно по содержанію имѣть болѣе значенія для взрослыхъ. По содержанію, хорошему наложенію и сравнительной дешевизнѣ книга заслуживаетъ особаго вниманія.

Наша дѣтская литература.

Опытъ библіографіи современной отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи. Составилъ Ф. Толь. Сіб. 1662. Ц. 1 р. 50 к.

Наталья Борисовна Делгорукова. Повѣсть для дѣвицъ.

Хотя эта повѣсть написана для дѣвицъ, однако прочтется съ большою пользою и удовольствіемъ и мальчикамъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникій. Историческая повѣсть П. Фурмана.

Александръ Даниловичъ Менишковъ. Исторический романъ для дѣтей, въ трехъ частяхъ.

Ближній бояринъ Артемонъ Сергеевичъ Матвѣевъ.

Историческая повѣсть для дѣтей.

Хорошая биографія, какъ-разъ приходящая въ нашъ планъ дѣтскаго чтенія. Смѣло рекомендуемъ иль нашимъ читателямъ, какъ ессъма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и нынѣже.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Издание Н. Г. МАРТЫНОВА.

СОЧИНЕНИЯ ПЕТРА РОМАНОВИЧА ФУРМАНА:

Все эти книги посвящены для каталога Министерства Народного Просвещения за № 1187—1193.

I. СААРДАМСКИЙ ПЛОТНИКЪ.

Повесть. Съ 9 картинами, рѣзанными на деревѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Николасъ.—Майстеръ Бауденитъ.—Задиженіе корабля.—Первое изголовіе.—Шальгельнъ-изголовщикъ.—Субъектъ врача.—Прогулка по морю.—Соусъ корабля.—Голландецъ и французъ.—Путешествіе въ трубу.—Тщетныя уткищики.—Обиваніе.—Защитники.—Великій Царь.

Цѣна съ картинами 75 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

II. АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

Исторический романъ въ 3 частяхъ, съ 14 картинами, рѣзанными на деревѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I-я—Счастіе и заслуги.—Птицы природы.—Первый шагъ.—Заговорщики.—Счастливая молодость.—Хотрость Меншикова.—Неустрашимость Петра.—Заслуги Меншикова и блестательное измѣненіе его.—Мать и синь.—Ч. II-я—Честолюбіе и корыстолюбіе.—Небытіе счастія.—Милости судьи цари.—Была судьба.—Несчастное корыстолюбіе.—Смерть Петра.—Хорошая и дурная сторона.—Первая вскользьность. Ч. III-я—Несчастіе и искушениіе.—Цыгане.—Нѣжнѣе нѣжъ стоящимъ.—Османы.—Вѣрный слуга.—Невысокое страданіе.—Ствердое сіяніе.—Послѣднее пристанище.

Цѣна съ картинами 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. переплѣтѣ 2 р.

III. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКИЙ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Съ картинами.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I—Молодость.—Правдивъ Богдановскій.—Гришка.—Лягушница.—Духовка.—Процентіе.—Отъездъ въ Москву.—Разлука.—Песнь Гриши.—Драка въ кружбе.—Жить заживѣть трудиться.—Первѣка знанія. Ч. II.—Благодарительная судьба.—Темнинъ.—Старый служака.—Понтий.—Страшное напутствіе.—Жалобы памятниковъ.—Путешествіе Императорицы.—Бури.—Неустрашимость.—Императорица на родинѣ Потемкинъ.—Бойка съ турками.—Безжалостный царь.—Закатъ солнца.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

IV. АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Залоги.—Пильникъ.—Митія стариковъ.—Заступники.—Благословеніе отца.—Молодой солдатъ.—Письмо Александра Суворова къ своему отцу.—Часовъ.—Суворовъ на войнѣ.—Быть хѣсу.—Барекъ побѣдителя.—На балу.—Слово Государыни.—Побѣдители не судить.—Голосъ народа.—Пугачевъ. Ч. II.—Батюшкинъ Суворова.—Киббуричъ.—Оракъ.—Фокнитагъ.—Рымникъ.—Помада.—Баштіе Шахматъ.—Быстрый отвѣтъ.—Кукарникъ.—Побѣда изъ Польши.—Прага въ Нарвской.—Довеселіе въ отвѣтъ.—Фельдмаршалъ.—Горестное событие.—Счастливъ царей.—На Иглѣ.—На Шведской.—Тайное состояніе.—Слава, Слава, Слава.—Завяленіе.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

V. ИНЯЗЬ ЯКОВЪ ФЕДОРОВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Два всадника.—Принадліе.—Первая слушба.—Уничтоженіе жестокства.—Два жертвъ страдальцевъ.—Аудісція.—Таможенный осмотръ.—Проговоры.—Открытая грамота.—Въ Испаніи.—Правленіе царевны Софіи. Ч. II. Война съ Турцией.—Петръ I и Карлъ XII.—Дважды два четыре.—Дерзайте людіе Вожіе.—Царю правда лучший слуга.—Любить Царя, любить Отечество.—Служить, толь не карташить.—Голландские купцы.—Указъ Государя.—Государь отецъ.—Несъмо Князь Долгоруковъ.—Китайская пылата.—Безъ вины виноватъ.—Горестъ Петра Великаго.—Три голоса.

Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкѣ, перепл. 1 р. 50 к.

VI. ПЕТРЪ ЖДАНОВЪ, МОСКОВСКІЙ КУПЕЦЪ.

Исторический рассказъ изъ отечественной войны 1812 года.

Сеада и пожаръ Москвы.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Осада Москвы.—Пожаръ.—Москвичъ герой.—Юродивый.—Изгнаніе.—Мученики.—Радчакъ Гедетова.—Искуситель. Ч. II. Освобожденіе.—Странное подозрѣніе.—Изгнанникъ.—Сильный шагъ.—Честный поступокъ кунца Жданова.—Князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ-Смоленскій.—Свидѣтельство.—Бѣство французовъ изъ Москвы.—Кирильчъ.

Цѣна съ картинами 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп., въ коленкѣ, пер. 1 р. 75 к.

VII. НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКОВА.

Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Дочь знатнаго вельможи.—Ворыба сильныхъ.—Долгоруковъ.—Честь и лесть.—Престолъ.—Императрица.—Государыня несчастія. Земное счастіе.—Обманъ на горизонте.—Погребеніе Петра II. Ч. II. Еще торжественная процессія.—Сандаканіе.—Свадьба.—Видѣти.—Отъездъ.—Начало путешествія.—Манифестъ.—Журь и жева.—Мигутии одиночества.—Суматоха въ деревнѣ.—Женская интуїція.—Разбойники. Ч. III. Изба.—Опять въ путь.—Конфетка.—Буря.—Ураганъ въ 1730 г.—Тобольскъ.—Арестантъ.—Князь въ крестильнице.—Борисовскій острогъ.—Пермь.—Дѣти.—Опять Тоборянка.—Обручалась кольцо.—Вѣчный покой.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкѣ, пер. 2 р.

IX. СЫНЪ РЫБАКА МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

Повѣсть съ картинами и портретомъ Ломоносова.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Дочь родителяй.—Смертногъ сіяніе.—Москва.—Училище.—За границей.—Солдатъ.—Слава.—Труды.—Изъ сочиненій Ломоносова.—Оды.—Переводы изъ псалмовъ 14 и 26.—Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи.—Оды, выбранные изъ Іова.—Оды государыни императрицы Екатерины II.

Цѣна съ картинами 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

X. СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Нарва.—Нарвская легенда.—Учителъ тессеночного мастера.—Натанчикъ. Биограф. очеркъ.—Столяръ и кружевница, рассказъ.

Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

На перес. прилагаются по 15 к. на книжку

Всѣ 10 томовъ переплетены въ 2 книги, продаются за 10 р., въ перепл. 11 р., въ излѣн. коленкѣ, перепл. съ золоченіемъ, 12 р., каждая книга въ переплѣтѣ по 6 р.

Сочиненія Дмитрія Васильевича Григоровича.

Повѣсти и рассказы для дѣтскаго чтенія (для средняго и старшаго возраста, съ портретомъ автора). Ц. 2 р. 50 к., въ папкѣ съ коленкоромъ корешк. 2 р. 75 к., въ полномъ коленк. пер. 3 р.

Повѣсти и рассказы для народнаго чтенія, съ портретомъ автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкор. пер. 1 р. 75 к.

Повѣсти, рассказы и очерки. 1848—1849 гг. (Лучшіе мелкіе разсказы), съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

Проселочныя дороги. Романъ безъ интриги. 2 тома. 1889 г. Цена 3 р. 50 к. въ перепл. 3 р. 50 к.

Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта. Ц. 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.

Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта въ 5 част. Ц. 2 р. 50 к., въ коленкоромъ переплѣтѣ 3 р. 50 к.

Два генерала. Романъ изъ современной жизни. Цена 1 р. 25 к.

Корабль Ретвизанъ (годъ въ Европѣ и на Европейск. моряхъ). Путевые впечатл. и воспомин. Ц. 2 р., въ коленк. пер. 2 р. 75 к.

Акробаты благотворительности. Повѣсть. Ц. 75 к.

Алексѣй Чемезовъ. (Недолгое счастіе). Повѣсть. Ц. 50 к.

Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к., тоже въ перепл. 1 р. 50 к.

Бобыль. Рассказъ. Ц. 20 к.

Въ ожиданіи парома. Рассказъ. Ц. 20 к.

Гуттаперчевый мальчикъ. Повѣсть Ц. 75 к.

Деревня. Повѣсть. Ц. 50 к.

Зимній вечеръ. Повѣсть на новый годъ. Ц. 50 к.

Капельмейстеръ Сусликовъ. Повѣсть. Ц. 30 к.

Карьеристъ, очеркъ—Сонъ Ка-релина. Ц. 30 к.

Кошка и мышка. Повѣсть. 40 к.

Лотерейный балъ. Повѣсть. 20 к.

Мать и дочь. Осен. разск. 15 к.

Не по хорошу мѣль—по милю хо-рошъ. Ц. 75 к.

Неудавшаяся жизнь. Пов. 50 к.

Очерки современныхъ нравовъ. Юмористическія замѣтки. Ц. 25 к.

Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к.

Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора. 10 томовъ 15 р., въ перепл. 17 р. и 18 р. въ коленк. переплѣтѣ по 2 тома вмѣстѣ 20 р.

Пахачникъ и бархатникъ. Собѣсть. Ц. 40 к.

Петербургскіе шарманщики. Нравописательный очеркъ. Ц. 20 к.

Почтенные люди, обремененные многочислен. семействомъ. 25 к.

Похожденія Накатова, или не-долгое богатство. Ц. 75 к.

Проходій. Святочн. разск. 40 к.

Синистулькинъ. Физиолог. очеркъ. Ц. 60 к.

Свѣтло - Христово - Воскресеніе. Простонародное повѣрье. Ц. 20 к.

Скучные люди. Физиологический очеркъ. Ц. 20 к.

Смѣдовская долина. Разск. 20 к.

Сосѣдка. Рассказъ. Ц. 20 к.

Статьи о художествѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Столичный воздухъ. Эскизъ пе-тербургск. нравовъ. Комед. въ 1 д. Ц. 50 к.

Столичные родственники. Повѣсть. Ц. 75 к.

Четыре времени года. Повѣсть. Ц. 50 к.

Школа гостепріимства. Повѣсть. Ц. 40 к.

Сочинения и переводы Льва Александровича Мая.

Первое полное собрание сочинений, съ портретомъ автора и биографическимъ очеркомъ. 6 томовъ. Ц. 12 р. 50 к., перепл. 17 р. 50 к. Каждый томъ и каждое сочинение продаются отдельно.

Лирические стихотворения съ портретомъ автора, грав. на стали. 1. Изъ русской жизни.—2. Изъ духовного мира.—3. Изъ древнего мира.—4. Изъ преданія и современной жизни.—5. Лицейскія стихотворенія. Примѣчанія. Автографы—съ приложениемъ статьи: Л. А. Май и его значение въ русской литературѣ. Критико-Биографический очеркъ. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

Переводы лирическихъ стихотвореній съ греческаго, англійскаго, немецкаго, французскаго, польскаго и украинскаго. — Анакреонъ Феокритъ, Мильтонъ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Гейне, Андре Шенье, Викторъ Гюго, Густавъ Надо, Дюпонъ, Мишевичъ, Кондратовичъ, Шевченко и пр., съ портр. Мая, грав. на стали. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

Драматические сочиненія и переводы съ историческими примѣчаніями. Сочиненія оригинальныя: Царская любовь. Псковитянка. Сервантія. — Переводы: Шиллера: Дмитрій Самозванецъ. Лагерь Валленштейна. Шекспира: Буря. Съ портретомъ Мая. Ц. 3 р., въ изящн. коленкор. перепл. 4 р.

Повѣсти, рассказы и статьи. Охота.—Кирилль.—Софья.—Казусъ.—Лѣсныя диковинки.—Швейка.—На паперти.—Гривеникъ.—Чубукъ.—Батя.—Хмара.—Статьи различнаго содержанія. Съ портр. автора. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

Сборникъ переводовъ въ прозѣ. Переводы съ польскаго, чешскаго, англійскаго и французскаго языка. Предчувствіе, съ польскаго. Ягъ изъ Непомукъ. Чешская легенда. Святочная пѣсня, Диккенса. Украденные годы, Френча. Дочь миссионера, Котца. Таинственное проицествіе Фонъ-Джеральди, Гоздана. Съ портретомъ Мая. Ц. 1 р. 50 к.

Батя. Правдив. разск. Ц. 40 к.

Гривеникъ. Неправдоподобное событие. Ц. 30 к.

Кирилль. Повѣсть. Ц. 30 к.

На паперти (Изъ дневника XXX). Разскѣзъ. Ц. 30 к.

Батрачка. Повѣсть Т. Шевченка въ стихахъ, съ портретомъ автора, переводъ съ украинскаго Л. А. Мая. Ц. 10 к.

Предчувствіе. Разскѣзъ Камергера Короля Станислава, перев. съ польскаго Л. А. Мая. Ц. 20 к.

Святочная пѣсня въ прозѣ. Сочиненіе Чарльза Диккенса, съ портретомъ автора, переводъ Л. А. Мая. Ц. 40 к.

Левъ Александровичъ Май. Биографический очеркъ и оцѣнка его произведеній, съ портр. (гравир. на стали) и автогр. Состав. В. Р. Зотовъ. Ц. 30 к. На лучшей бумагѣ съ 2-мя портр. и автогр. Ц. 75 к.

Охота. Разскѣзы: 1) Сборное Воскресеніе. 2) Медвѣдь-травля. Ц. 25 к.

Софья. Повѣсть. (Продолженіе повѣсти «Кирилль»). Ц. 30 к.

Чубукъ. Листки изъ дневника. Разскѣзъ. 1887 г. Ц. 40 к.

ИЗДАНИЯ КНИГОПРОДАВЦА

НИКОЛАЯ ГАВРИЛОВИЧА МАРТЫНОВА.

Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. № 46.

Для составленія и пополненія библиотекъ учебныхъ заведеній и для выбора книгъ въ награды ученикамъ, а также къ обращенію въ войскахъ — Министерство Народнаго Просвещенія и Главный Штабъ Военнаго Министерства, издали въ 1889 году обязательные нормальные каталоги, въ которыхъ одобрены, рекомендованы и номинированы следующія изданія Н. Г. Мартынова.

ОПЫТЪ КАТАЛОГА УЧЕНИЧЕСКИХЪ БИБЛИОТЕКЪ

Среди учебн. завед. Вѣдомства Минист. Народн. Просв. Ц. 35 к. с.

Сочиненія СЕРГІЯ ТИМОФЕЕВИЧА АЛСАКОВА.

(Шумера по каталогу Министерства Народнаго Просвещенія).

- 1115. Дѣтскіе годы Багрова-внука. Ц. 1 р. 25 к.
- 1116. Семейная хроника и воспоминанія. Ц. 1 р. 75 к.
- 1205. Полное Собрание Сочинений 6 томовъ. Ц. 12 р. 50 к., въ переплетахъ 15 р. и 16 р. 50 к.
Алешкай цветочекъ. Сказка. Цѣна 10 к.

Сочиненія ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРІГОРОВИЧА.

- 737. Корабль Ретвизанъ. Путевые впечатлія и воспоминанія. Годъ въ Европѣ и на Евроазийскихъ моряхъ. Ц. 2 р.
- 1124. Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к.
- 1125. Прохожій. Рассказъ. Ц. 40 к. (Комитетъ грамотности присудилъ автору золотую медаль имени Погоссакаго).
- 1126. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Ц. 20 к.
- 1127. Кошка и мышка. Повѣсть. Ц. 40 к.
- 1213. Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к.
- 1214. Бобыль. Рассказъ. Ц. 20 к.
- 1215. Гуттаперченый мальчикъ. Ц. 75 к.
- 1216. Мать и дочь. Осенний рассказъ. Ц. 15 к.
- 1217. Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта. Ц. 2 р. 50 к.
- 1218. Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта. Ц. 2 р.
- 1219. Смѣдовская долина. Рассказъ. Ц. 20 к.
- 1291. Полное Собрание Сочинений. Новое изд. 10 т. Ц. 15 р., въ переплетахъ 17 р., 18 р. и 20 р.
- 1291. Повѣсти и рассказы для дѣтскаго чтенія, для средняго и старшаго возрастовъ, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА МЕЯ.

1318. Полное собрание сочинений съ 2 порт. автора, 5 т. Ц. 12 р. 50 к., въ пер. 14 р. 50 к. и 15 р. 50 к. 17 р. 50 к. Каждый томъ отдельно п. 3 р. въ пер. 4 р.
1525. Святочная пѣсня въ прозѣ. Скупой Скруджъ, соч. Чарльза Диккенса, съ воргret. автора, переводъ Л. А. Мея. Ц. 40 к.

Сочиненія ПЕТРА РОМАНОВИЧА ФЭРНАНА.

Историческая библиотека. — Рассказы изъ отечественной истории.

1187. Александръ Васильевичъ Суворовъ — Рымнигскій. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р., 50 к. въ пер. 2 р.
1188. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческ. романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1189. Ближній бояринъ Артемонъ Сергеевичъ Матвеевъ. Историч. пов. въ 2 частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1190. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврический. Повѣсть въ 2 част. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1191. Князь Яковъ Оедоровичъ Долгоруковъ. Истор. пов. въ 2 ч. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
1192. Наталия Борисовна Долгорукова. Истор. пов. въ 3 частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
1193. Саардамскій плотникъ. Истор. пов. въ 3 част. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
1194. Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.
Московскій ку bещъ Петръ Ждановъ. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к. въ пер. 1 р. 75 к.

Издания Н. Г. МАРТЫНОВА.

361. Исторія Тверскаго Княжества съ приложеніями и родословіи, таблицами, соч. В. С. Борзаковскаго. Сочиненіе это удостоено преміи графа Уварова. Ц. 3 р. въ переплѣтѣ 4 р.
904. Основные понятия «химії» профессора А. Бутлерова. Ц. 40 к.
731. Очерки Японіи, соч. М. П. Венюкова. Ц. 1 р. 50 к.
788. Начальные основанія сферической геометрии и сферической тригонометрии, соч. А. Дмитрева. Ц. 75 к.
871. О нашихъ передовыхъ птицахъ, съ рисунками, 2-е издание. Сочиненіе Л. Н. Кайгородова. Ц. 20 к.
1369. Никодай Ивановичъ Новиковъ, издаватель журналовъ 1769—1786. Изслѣдованіе профес. А. И. Незеленова. Ц. 2 р. 50 к.
1370. Островскій въ его произведеніяхъ.—Первый периодъ дѣятельности — до историческихъ хроникъ, соч. профессора А. И. Незеленова. Ц. 1 р. 50 к., въ переплѣтѣ 2 р. 50 к.
259. Св. Кирилль и Меодій, просвѣтители Славянъ, сочиненіе П. Рогова. 10 г.
Училищная библиотека съ учебными примѣчаніями и вопросами для изученія Вып. I. Горе отъ ума. Грибоѣдова. Ц. 12 к.
1271. Вып. II. Недоросль, ком. Фонь-Визина. Ц. 12 к. Вып. III. Бригадиръ, комедія Фонь-Визина. Ц. 15 к.; въ переплатахъ по 55 к. за книжку; за все три вмѣстѣ въ красивомъ переплѣтѣ 90 к.
1346.
1200.

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ Училищахъ

Вѣдомства Минист. Нар. Просвѣщ. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Ансакова, С. Т. Алеинкій цѣточекъ, сказка. Ц. 10 к.—Семейная хроника и воспоминанія. Ц. 1 р. 75 к. Дѣтскіе годы 1 р. 25 к.

Григоровичъ, Д. В. Пахарь, повѣсть. Ц. 30 к.—Прохожій, разсказъ. Ц. 40 к.—Четыре времени года, пов. Ц. 50 к.—Мать и дочь, осенний разсказъ. Ц. 15 к.—Смѣдовская долина, разск. Ц. 20 к.

«Повѣсти и разсказы для народнаго чтенія». Всѣ пять разсказовъ собраны вмѣстѣ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ портр. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Фурмана, П. Р. Историческая библиотека. Разсказы изъ отечественной истории. — Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ. Ц. 75 к.—Саардамскій плотникъ, пов. Ц. 75 к. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Ц. 1 р. 25 к. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рыминскій. Ц. 1 р. 25 к. Григорій Александровичъ Потёмкинъ-Таврическій. Ц. 1 р. 25 к. Близкій бояринъ Артемонъ Сергеевичъ Матвеевъ. Ц. 1 р. 25 к. Наталия Борисовна Долгорукова. 1 р. 25 к. Московскій купецъ Петръ Ждановъ. 1 р.

Рогова, П. Св. Кирилль и Меодій, просвѣтители Славянъ. Ц. 10 к.—Начало Руси и Владіміръ Святой. Ц. 10 к.

Кайгородова, Д. О нашихъ перелетныхъ птицахъ — съ рис. Ц. 20 к.

Твѣто, Ф. Народный учитель «О вѣтру». Чтеніе для народа. Ц. 10 к.

КАТАЛОГЪ ГЛАВНАГО ШТАБА.

Каталогъ книгъ, одобренныхъ къ обращенію въ войскахъ для первона-
чального образования и развитія низкихъ чиновъ. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.

■ Циркуляръ Главнаго Штаба отъ 4 Декабря 1889 г. за № 277. ■
Ансаковъ, С. Т. Алеинкій цѣточекъ. Сказка съ портр. Ц. 10 к.

Григоровичъ, Д. В. Повѣсти и разсказы для народнаго чтенія. Въ каждой книжкѣ помѣщенъ портретъ автора.

Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к.—Бѣбыль. Разсказъ. Ц. 20 к.—
Въ ожиданіи парома. Разсказъ. Ц. 20 к.—Деревня. Разсказъ. Ц. 50 к.—Зимній вечеръ. Повѣсть. Ц. 50 к.—Кошка и мышка. Повѣсть. Ц. 40 к.—Мать и дочь. Разсказъ. Ц. 15 к.—Пахатникъ и бархатникъ. Повѣсть. Ц. 40 к.—Свѣтлое Христово Воскресеніе. Ц. 20 к.—Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к.—Прохожій. Разсказъ. Ц. 40 к.—Смѣдовская долина. Разсказъ. Ц. 20 к. Четыре времени года. Повѣсть. Ц. 50 к.

Веселовскій. Русское правописаніе. — Руководство и справочная книга для учениковъ народной школы. Ц. 30 к.

Жиротовской, Н. Отчего и какъ движется паровозъ по желѣзной доро-
гѣ. Чтеніе для народа съ 14 рисунками. Ц. 20 к.

Рогова, П. М. Св. Кирилль и Меодій, просвѣтители Славянъ. Ц. 10 к. Начало Руси и Владіміръ Святой. Разсказъ изъ Оте-
чественной истории. Ц. 10 к.

Всѣ три упомянутые здѣсь каталога высылаются за 1 руб. сер.

Большая часть книгъ заготовлена въ национальныхъ переплетахъ для наградъ ученикамъ.

■ Переплеты считаются: сафьяновый корешокъ 40 к., шагреневый 60 к. 75
копѣекъ, колекционный съ золоченіемъ по 75 к. по 1 р. за томъ. Можно перепла-
тить по два тома, вкѣстъ. ■

Большой каталогъ изданий Н. Г. Мартынова выдается бесплатно книгороди, за 7 к. ж.

Пересыпка книгъ на счетъ покупателя.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНИЯ.

— БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ ДЛЯ ДАЧРДЪ И ПОДАРКОВЪ. —

НОВАЯ РУССКАЯ АЗБУКА.

Съ картинками, разделенная на 53 урока «Маленькая дѣтская энциклопедія», составлена А. К. Владимировой.

Содержание «Азбука въ первое чтеніе»: Собрание молитъ и заговорѣй. — Рассказы, басни и сказки. — Первые четыре дѣйствія ариометрии. — Объясненія продуктовъ и проч. предметовъ, окружающихъ дѣтей; ихъ производство и добываніе.

Книга эта даетъ наставницъ массу материала для оживленной бесѣды съ маленькими дѣтьми, систематически развивающа ихъ мышление и облегчаетъ способы приступить къ школьнымъ занятіямъ. Цѣна въ нашъ 1 р.

КНИЖКА-УЧИТЕЛЬНИЦА.

Постепенное чтеніе для дѣтей, съ указаніемъ изъ которыхъ педагогическихъ приемовъ съ приборами разборовъ. Цѣна 50 к., въ членномъ перепл. 1 р. Нашу эту составилъ известный нашъ педагогъ Мих. Бор. Чистяковъ.

Оглавление.—Предисловіе къ дѣтямъ.—Образчики разборовъ.—Образчики того, какъ сидѣтъ пересказывать прочитанное. Повѣсти, рассказы, басни и сказки: Мать и дитя.—Голова и хвостъ.—Не завидуй.—Не обольщайтесь дасками.—Шапухъ, югъ и мышонокъ. (Крыловъ).—Василекъ. (Крыловъ).—Воротъ.—Золотыи дѣти. (Сказка).—Ледовитый океанъ и белый медведь.—Тундра. Самоѣды.—Сверное сияніе. (Козловъ).—Весна въ Финляндіи. (Баратынскій).—Москва — деревня. (Загоскинъ).—Нескучное (Загоскинъ).—Пожаръ Москвы, 1812 года. (Загоскинъ).—Охота при Петре Великомъ. (Загоскинъ).—Весна въ сѣнокосѣ. (Майковъ).—Погльдъ. (Тургеневъ).—Урожай. (Кольцовъ).—Листы и корки. (Крыловъ).—Скальдъ на шире у Владимира. (Загоскинъ).—Перъ у Владимира и Монастырь въ Киевѣ. (Пушкинъ и Козловъ).—Днѣпровскіе пороги.—Колокольчикъ. (Толстой).—Изъ казацкой жизни. (Гоголь).—Конь (Измаковъ).—Домъ старосвѣтскихъ домѣшниковъ. (Гоголь).—Дѣтство Татьяны. (Пушкинъ).—Старинный помѣщицій дождь. (Гончаровъ).—Кто окъ? (Майковъ).—Русскій бояринъ XVI вѣка. (Толстой).—Степной конь.—Іоаннъ IV на охотѣ. (Толстой).—Наводненіе Петербурга. (Пушкинъ).—Богданъ (Лисаковъ).—Прѣсадъ боярина въ монастырь. (Лермонтовъ).—Первая весна въ деревнѣ. (Лисаковъ).—Младенецъ и разбойникъ. (Жуковскій).—Изъ поездки на Кавказъ. (Пушкинъ).—Аузъ. (Пушкинъ).—Военно-грузинская дорога. (Пушкинъ).—Утро въ горахъ. (Лермонтовъ).—Переездъ черезъ горы Грузіи. (Пушкинъ).—Обвалъ. (Пушкинъ).—Гора Арарагъ.—Быть черкесомъ. (Пушкинъ).

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 8 ДО 12 ЛѢТЪ, соч. А. К. Владимировой съ карт. Книга весьма интересна и разнообразна по содержанию.

Подарокъ дѣтямъ. Смѣшное и подезное. Тринадцать рассказовъ съ карикатурами, пер. съ англ. А. Еериновой. Ц. 1 р. 50 к.

Виновата ли она. Повесть И. Д. Былова (автора многих педагогических сочин.). Ц. 75 к., въ коленкор. пер. 1 р. 50 к.

Юные путешественники по Нилу. Сочин. А. Баумана, перев. съ англ. Л. Есренской, съ прекрасными рисунками худ. Б. Рейнхардта. Ц. 2 р., въ красномъ перепл. 2 р. 75 к.

ВАЖНЕЙШИЯ НАУКИ ВЪ ИХЪ ПРИМѢЧЕНИИ КЪ УДОБСТВАМЪ И ПОЛЬЗѢ ЧЕЛОВѢКА. Иллюстрированное папканое издание съ 286 большими рисунками. — Научное, занимательное и удобоиспользованное изложение свойства тѣла, объема тѣла, законовъ движения, скорости и силы. — Простая и сложная машины. — Устройство паровыхъ машинъ. — Сѣль, звуки, тепло, газъ, паръ, жидкость, мореходный и железнодорожный машины, движение по водѣ и по земной поверхности. Большой томъ, въ 8», 386 стр. и 286 рисунк. Ц. 3 р., въ изящномъ кол. пер. 4 р.

Затруднительные случаи въ русскомъ правописаніи, съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ. Составленъ преподавателемъ русского языка и словесности Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и Военно-Учебныхъ заведеній Н. Успенскаго. Изд. 2-е. Цена 25 к.

Русское правописаніе. Слова. Руководство въ справочная книжка для учениковъ Народныхъ училищъ, а также для первыхъ классовъ гимназій, инансіонъ и городскихъ школъ. Состав. В. А. Веселовскій. Ц. 80 к.

Учебное пособіе при изученіи литературныхъ образцовъ. Составилъ А. Н. Чудиновъ. Первая группа басенъ. Систематический подборъ литературныхъ образцовъ для разбора, всѣ нужные при этомъ теоретическія и историкобиографическія сведения, объясненія встрѣчающихся словъ, планы каждого образца, темы для катехизаціи разбора его и темы для самостоятельныхъ классныхъ работъ по каждому изъ образцовъ, которые могли бы исполняться учениками какъ устно, такъ и письменно.

Пособіе это удобно для самообученія, въ концѣ каждого образца приведены *темы и вопросы*. — Основаніемъ при выборѣ образцовъ исключительно пришли указания программъ Министер. Народ. Просв. и Главн. упр. Военно-учебн. заведеній.

Ігри, занятія и опыты для дѣтей.—Зимняя книжка.

I. Описаніе совершенно разнообразныхъ 70 игръ въ комнатѣ. Игры съ движениемъ. Игры съ движениемъ рука. Игры безъ движений. Игры мячомъ. Игры на бумагѣ. Игры съ угадываніемъ. II. Занятія: Складываніе, перегибаше, плетеніе, вырезываніе, выкалываніе, — рисование раскрашиваніе, декалькоманія, клейка, лѣпка, отливка — кристаллизация, 20 различныхъ занятій. III. Опыты по естественнымъ наукамъ: Механика. — Электричество. — Гальванізмъ. — Сѣль. — Зрѣніе. — Слухъ. — Акустика. — Магнитъ, его свойство и приготовл. игрушекъ. Въ книжѣ много рисунковъ и чертежей. Многія изъ игръ въ занятій весьма интересны и для взрослыхъ. Ц. 1 р., въ коленкор. пер. 1 р. 50 к.

Фернъ. история воспитанія и обученія съ древнійшихъ временъ до нашихъ временъ. Для педагоговъ и родителей, составилъ К. Н. Модзалевскій. Цена за оба тома 4 р.

T. I. До Христіанской и Христіанской эпохи. Эпоха возрожденія классицизма. T. II. Новѣйшій періодъ Христіанского гуманного воспитанія. Отдельно: Историческое значение Христіанства для воспитанія Ц. 40 к.

КНИГИ ДЛЯ НАГРАДЪ УЧЕНИКАМЪ.

безъ персп., въ персп.